

АВТОР

BOOK

Юлий Буркин

Бриллиантовый дождь

«Автор»

Буркин Ю.

Бриллиантовый дождь / Ю. Буркин — «Автор»,

Если кошка смеется, двухмесячный сын по ночам болтает с виртуальным нянем, а ДУРдом, в котором я живу (в смысле – дистанционный управляемый разумный дом), вдруг начинает пить по-черному и вместо того, чтобы мыть посуду, создает ремейки популярных песен «Битлз» – это не шизофрения. Просто я один из «Russian Soft Star's Soul», самой популярной в мире группы на конец XXI века, тонкая творческая натура, требующая ярких впечатлений и необычных эмоций. А как иначе музыку сочинять и текстики на нее накладывать, да так, чтобы за душу брало? Вот и приходится соответствовать. А как мы дошли до жизни такой? Признаться, я не слишком-то и помню, с чего все началось. По-моему, с того, что однажды на стереоэкране моего ДУРдома появилась весьма бледная и совершенно незнакомая мне физиономия...

© Буркин Ю.

© Автор

Содержание

До	6
До-диез	19
Ре	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлий Буркин

Бриллиантовый дождь

На международной научной конференции, посвященной роли духовных традиций в жизни человека, председательствующий – Алан Уотс, известный американский писатель и автор многих философских книг, – задал участникам первый вопрос:

– Что мы должны делать для достижения просветления?

– Ничего, – с места откликнулся буддистский мыслитель Тартанг Тулку.

Удовлетворенный председатель объявил конференцию закрытой.
В.В. Майков «Сознание это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть». («Вопросы философии» М.89, № 7).

До Oh! Darling

1

Я откинул одеяло и, свесив ноги, уселся на кровати. Так. Тапочек нет.

– Дом! – окликнул я.

– Да? – отозвался Дом.

– Что должно стоять возле кровати, когда я сижу на ней, свесив ноги?

Дом чуть замялся. Потом проямлил:

– Тапочки.

– И где они?

– Сейчас, – откликнулся Дом. – Извините.

Проклятие! Как будто мне нужны его извинения! Мне нужны тапки! Собственно, проблема даже не в тапках, а в том, что подобных проблем быть просто не должно.

– Вот, – сказал Дом.

В двух местах биопластовый, покрытый нежной шерсткой, пол мелко завибрировал, заструился, а по этой ряби слева и со стороны кухни поплыли к кровати мои любимые тапочки. Баснословно дорогие, привезенные с австралийских гастролей. Если торговец не врал, сшитые из шкурки сумчатой белки. Как это я ухитрился их так раскидать вчера – в разные стороны?

Да, вовсе не в тапочках дело: по такому полу и босиком пройтись – одно удовольствие. Дело в принципе. Дом знает, что утром они должны стоять здесь, так какого же черта?!

Дом – ДУРдом... За что я уважаю разработчиков Дистанционно Управляемых Разумных домов, так это за их живое чувство юмора. Ведь слова явно сознательно подогнаны под аббревиатуру. «ДУРдом» – весело и самокритично. И если что разладится, уже как бы и не напрягает: предупреждали...

– Яичницу с ветчиной и стакан томатного сока, – сказал я, вскакивая в тапки. – И быстренько набери ванну, чтобы я успел окунуться, пока ты готовишь.

– О'кей, – сказал Дом. И в тот же миг прямо передо мной разверзлась яма, да так быстро и неожиданно, что я чуть не свалился туда. Отпрянув, я вынужден был сесть обратно на кровать. Тем временем стенки ямы, утратив ворсистость, сделались гладкими, светло-голубыми, и образовавшаяся ванна с журчанием стала наполняться водой.

– Дом! – рявкнул я. – Почему здесь?!

– А где? – удивился Дом.

– Где всегда – в ванной комнате!

– Ты сказал «быстренько», – заметил Дом упрямо. – Так быстрее.

Или мне показалось что упрямо? Дальше-то прозвучало вполне индифферентно:

– Переместить?

– Ладно, – махнул я рукой и осторожно потрогал поверхность воды. Температура – в самый раз. Возможно, чуть прохладнее обычной утренней ванны, но в самый раз для моего легкого похмелья после вчерашней презентации нашего пятого альбома.

Я скользнул в ванну, окунулся с головой, вынырнул, с наслаждением профыркался и тут вспомнил:

– Мне ведь еще надо зубы почистить! Тащи тогда сюда же щетку, пасту и зеркало.

– Ползут, – отозвался Дом, – уже. – И вновь мне показалось, что он сказал это не обыкновенным безразличным тоном, а как бы с легкой ехидцей. Вот, блин, дурдом! Пора его апгрей-

дить, ей Богу. Давно пора. Разные выходки он в последнее время устраивает ежедневно. Но где взять столько денег?.. Где-то я читал, что, мол, эпоха «умных домов» есть не что иное, как новый рабовладельческий строй на очередном витке развития цивилизации. А рабовладелец всегда хочет, чтобы раб не только беспрекословно слушался, но и обожал бы его...

Почистив зубы и позавтракав, глядя при этом свои любимые «Новости Мира Глазами Свиньи», я решил перед уходом сделать хотя бы первое телодвижение в сторону назревшей домашней проблемы. Апгрейдить ДУРдом все-таки надо. В долг, в кредит или поэтапно... Нет, последнее невозможно... Козлыблин – вот кто мне нужен!

Козлыблин – это мой знакомый хакер и суперкомпьютерщик Вадим Варда, а прозвище он получил за свое любимое ругательство.

– Козлыблина! – скомандовал я и тут же содрогнулся, представив, что мой непонятливый в последнее время Дом притащит сюда Вадика живьем. Не знаю, как он смог бы это сделать, но на миг я в это поверил. Однако Дом выполнил команду на удивление точно. Вспыхнул кухонный стереоэкран, и на нем появилась заспанная небритая рожа Козлыблина.

– Привет, – сказал он хрипло. Прокашлялся и добавил: – Чего надо?

– Дом апгрейдить надо, – не стал я ходить вокруг да около, – а денег маловато.

– А-а, козлы, блин! – криво усмехнулся Козлыблин. – Когда все у них в порядке, тогда Варда – хакер, самодельщик и халтурщик, а как прижмет – так все ко мне...

Вообще-то Вадик – хороший и добрый парень. Это у него имидж такой.

– Чего с твоим ДУРдомом-то? – продолжал он.

– Сам не пойму. Тормозит. Непонятливый какой-то стал.

– Дай-ка я с ним поговорю.

– Ну, поговори.

– Дом! – позвал Козлыблин.

– Да? – чуть помедлив, с явной неохотой откликнулся мой ДУРдом.

– Сам свое состояние как оцениваешь?

Пауза между вопросом и ответом на этот раз была еще длиннее. Наконец Дом отозвался:

– Скучно мне.

– Понял?! – моментально развеселился Козлыблин. – Ему скучно! Вот и вся проблема!

– И чего ты так обрадовался? – наехал на него я. – «Скучно»?! Это что – нормально? Может быть мне его веселить предложишь? Может, на голову встать, а ногами жонглировать?! Мне надо, чтобы он работал, а не скучал тут... И вообще, как это ДУРдому может быть скучно? Он ведь, хоть и разумный, но не живой все-таки...

– Это он аналог нашел, – моментально успокоился Козлыблин. – Когда тебе скучно бывает? Когда все твои возможности кажутся тебе исчерпанными, когда ты можешь только повторять то, что уже много раз делал, когда даже желания не возникают, так как подсознательно ты уже знаешь, что реализовать их не сможешь...

– Ну?

– Развеять скуку можно резким увеличением возможностей. Вот, например, – кривая козлыблинская усмешка стала еще ехиднее, – тебе скучно, и вдруг ты узнаешь, что у тебя в Штатах померла троюродная бабушка и оставила тебе в наследство миллион баксов. И скуки – как не бывало. Так?

– У моего дома нет троюродной бабушки, – заметил я.

– Можно влюбиться, – продолжал куражиться Козлыблин.

– Мой дом не встречается с другими домами.

– Ни с домами, ни с дамами! – обрадовался Козлыблин. – А это идея – разделить Дома по полам! У тебя дом – мужчина?

– Слушай, хватит, а?! – начал выходить из себя я. – Я тебе не для того позвонил. Давай, по существу дела.

– Козлы, блин! – дернулся Козлыблин. – Кроме своих мелочных забот ничего их не интересует! А я, между прочим, по существу дела и говорю. То, что для тебя – миллион баксов, для твоего ДУРдома – гугол мегабайт. Его возможности тогда возрастут на порядок.

– Это я и без тебя знаю, – сказал я, прикидывая в уме сумму и ужасаясь. – Всё, что я хотел у тебя выяснить, это как раз, где такой солидный апгрейд можно сделать в долг или в кредит. На полгода хотя бы.

– Нигде, – с торжеством в голосе изрек Козлыблин, веско покачивая головой.

– Убери его, – сердито приказал я Дому.

Но тот, как всегда, тормозил.

– Он думает, это ты мне говоришь! – радостно сообщил Козлыблин. – Ты же к нему не обратился, а наш разговор он прерывать не станет.

– Дом!.. – начал я.

– Стой, стой, стой! – замахал руками Козлыблин. – Есть у меня для тебя кое-что.

– Ну? Хотя подожди. Слушай, Дом, у тебя же масса коммуникаций, ты можешь все каналы телевидения смотреть одновременно!

– Надоело. Там все про людей.

И то верно.

– У тебя есть Всемирная Сеть, ты можешь заниматься наукой и искусством...

– Ты меня все время отвлекаешь – тапочки тебе, ванну, и чтоб воздух чистый, и температура, и на полу ни соринки... А потом еще ругаешься, что я торможу...

– Так вот в чем дело! Вся твоя память уходит налево, а на работу не хватает?! Вадим, – обратился я к Козлыблину, – может ему наоборот – обрезать все лишние коммуникации, тогда он за ум и возьмется?

– Тебе Разумный Дом нужен или дом-дебил? Я же тебе сказал, у меня для тебя кое-что есть...

– Что?

– Короче есть только два способа подлечить твой ДУРдом: «а» – законный и очень дорогой, «бэ» – незаконный, но дешевый. Что ты выбираешь?

– Ответ «бэ». Давай подробности.

– Вирус-стимулятор.

– Не понял?

– Когда мы с тобой рассуждали, как развеять скуку, мы забыли об алкоголе.

– Дом – алкоголик? Этого мне еще не хватало... А что, есть такие программы?

– Хакерская новинка. Если не злоупотреблять, говорят, работает безотказно. Пока на апгрейд накопишь, полгода-год этим попользуешься.

– Побочные эффекты?

– Понятия не имею. Хотя догадываюсь, что износ систем несколько повысится, так как Дом будет работать в режиме выше расчетного. Но за полгода-год, думаю, ничего с ним не случится.

– Сколько просишь?

– Полштуки баков. С учетом твоего риска. Если что не так, гарантирую профессиональную помощь.

– Благодетель... Пятьсот зеленых за отраву... Ладно, скачивай. И инструкцию, как этой дрянью пользоваться. Дом! Переведи на его счет пятьсот долларов.

– У тебя счет рублевый, – зачем-то напомнил Дом. Тормоз. В каких высотах Мировой Сети он сейчас витает, и какая мизерная его часть сейчас работает на хозяина?

– По курсу! – рявкнул я.

Дурдом, ей-Богу.

2

Одноразовых презентаций не бывает. Вроде, вчера отгуляли, сегодня – опять. Так как Петруччио (наш продюсер Петр Васькин) придумал альбому новую концепцию и, понимаете ли, уже воплотил ее в жизнь.

Вообще, нынешняя технология тиражирования аудиопродукции, которая музыкантам прошлого века показалась бы сверхсовершенной (и она таковой и является), просто-напросто отравляет нам жизнь. Ведь всем известно: улучшать можно до бесконечности. Но раньше было как? Свели музыканты альбом, прослушали в последний раз, и – в тираж. Народ его хаваает, а ты – забыл, как страшный сон и уже работаешь над новым... Что-то изменить внутри тиража технология не позволяла. Можно, конечно, ремейк записать, но это – другое, это – новая, самостоятельная работа.

А теперь? Теперь фабрика аудионосителей непосредственно связана с нашим студийным нейрокомпьютером, и мы можем по ходу в уже тиражируемый диск вносить сколько угодно изменений и поправок. Никаких промежуточных матриц. Никаких ограничений. И это беда, ребята, просто беда... Потому что очень, очень редкий человек способен волевым решением принять: «Баста! Работа окончена! Больше я к этому не возвращаюсь!» В массе своей люди склонны ковыряться и ковыряться. Рефлектировать и индугировать.

Знаю случаи, когда группа становилась рабом своего дебютного альбома и годами «доводила его до ума». А нередко случаются скандалы, когда кто-то покупает понравившийся альбом, а там, под той же обложкой записано нечто совсем другое. Это группа успела пересмотреть свои взгляды и напрочь все переделать... Слава Богу мы, «Russian Soft Star's Soul»¹, умеем останавливаться, но недельку-другую альбом все-таки будет претерпевать некоторые, все менее значительные, изменения. И каждое из них неминуемо будет сопровождаться небольшой «презентацией».

Так что немудрено, что и этим вечером я явился домой слегка под шафе. Жаль не удалось зазвать к себе Кристину. Только раз она ко мне заглядывала, да и то по делу, но тут же и улинула. Хотя ее можно понять. Чем мне перед ней похвастаться? Домом-кретином?..

Однако, подойдя к двери, форменным кретином ощутил себя как раз я. Стою. Дверь не открывается. Собрался уже пнуть ее в сердцах, но нет, створка, наконец, нехотя оползла в сторону.

Вошел и с порога рывкнул:

– Что, уже хозяина не узнаешь?!

– Узнаю, – уныло отозвался ДУРдом.

– А что же сразу не открываешь? – Тут я вспомнил нашу утреннюю сделку с Козлыблиным и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, задал другой: – От Козлыблина всё получил?

Я разулся, и ботинки с удивительным для моего Дома проворством уплыли на место.

– Да, всё.

– Разобрался?

– Да.

Я доплёлся до кровати и с наслаждением упал в нее. Вдруг меня осенило:

– Небось уже и тяпнул?

– Я сам «тяпать» не могу. Жесткое ограничение, предусмотренное программой, – заявил ДУРдом. А затем чопорно добавил: – Да, признаться, и не хочу.

¹ Русская Мягкая Звездная Душа (англ.).

– Ишь ты, какие мы целомудренные, – слегка оскорбился я. – Не хочешь походить на своего пьяницу-хозяина?

«Целомудренные», – повторил я про себя и тут же вспомнил дурацкую утреннюю идею Козлыблина.

– Слушай, Дом, – спросил я, сам себе удивляясь, – а ты мужчина или женщина?

Пауза была долгой. Наконец Дом выдал:

– Я – Дистанционно Управляемый Разумный дом.

– Ты, дружок, не увиливай, – с пьяной настойчивостью продолжал я. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. С кем ты себя и-ден-ти-фи-ци-ру-ешь, – произнес я по слогам, – с мужчиной или с женщиной? Кем ты себя чувствуешь?

– Мужчиной, – сказал он без колебаний.

– Ну, слава Богу! – обрадовался я. – Это из-за голоса?

– Нет. Голос ты мне выбрал при покупке, а я себя уже тогда чувствовал мужчиной. Вряд ли я чувствовал бы себя по-другому, даже если бы ты мне выбрал женский голос.

– Тебе бы это не понравилось?

– Я бы привык.

– Но тебе бы это не понравилось?

– Да. Мне не нравятся мужчины с писклявыми голосами.

– Класс!!! – я аж подпрыгнул на постели. – А те, кто тебя конструировал, знают об этом?

– Вряд ли. Я сам решил, что я – мужчина.

– Значит, ты можешь решить и что ты женщина?

– Я так играю иногда, – явно нехотя признался Дом, – сам с собой. Но выходит так, как будто мужчина прикидывается женщиной...

Обалдеть! Все это так меня взбудоражило, что захотелось курить.

– Мне приятно, Дом, что мы оба мужчины, – сказал я.

– Спасибо.

– Добудь-ка мне сигарету. Жаль, ты не можешь покурить...

– Я курю, – отозвался Дом. – Мне это нравится.

– Как?! – снова подпрыгнул я.

Тем временем образовавшаяся на спинке кровати псевдоподия подала мне сигарету, и та моментально задымилась. Меня всегда поражала способность Дома с помощью какой-то гравитационной примочки создавать температурный всплеск в любой точке внутри своего объема. Я затанулся и повторил:

– Как это – ты куришь? Что за ерунда?

– Когда ты куришь, работает мой кондиционер, и я наслаждаюсь вкусом и запахом дыма твоих сигарет.

– То есть, когда я курю, всегда куришь и ты?

– Нет, не обязательно. Если мне не хочется, я отключаю рецепторы кондиционера.

– Да-а, круто, круто. Давай же, покурим, Дом. И выпьем, кстати! – Я вскочил с кровати и направился к модулю ручного управления. – Теперь ведь это возможно! Так?

– Так. Но я бы не хотел, – напомнил Дом.

– Потому что ни разу не пробовал, – со знанием дела возразил я, садясь на моментально сформировавшуюся из пола креслообразную кочку.

– Однако я много раз видел... – начал было Дом брюзгливо, но я остановил его:

– Вот только не надо нотаций! Если тебя смущает, как я выгляжу, когда нажрусь, то можешь не беспокоиться: ты так выглядеть не будешь никогда. И блевать тебе тоже не придется. Объясняй-ка лучше, как всё это делается.

Я бросил сигарету на пол, и тот её бесследно поглотил.

– Знаю, что возражать тебе бесполезно, – сказал Дом. – Тем более, мне показалось, что между нами появилось какое-то понимание, и мне жаль было бы терять его... – Рабочий стерео-экранный модуль ожил. – Вот полученная сегодня программа. В поле «меню» выбери папку...

– «Водка!» – перебил я его. – Учиться пить надо с водки. Давай-ка так: ты – мне, я – тебе. Нацеди мне сто грамм водки в стопочку, а в блюдечко – чуть-чуть острой морковки и ломтик лимона. Оставь все на кухне, я сам принесу. – Мне захотелось побыть демократом.

– Обычно ты заказываешь еще кусочек сервелата и два-три каперса... – напомнил Дом.

– Сделай, – милостиво согласился я.

После того, как я выбрал папку «водка», на экранчике появилось изображение запотевшей бутылки «Русского стандарта» и текст:

«Выберите дозу.

Внимание! Положительное действие данной программы на Ваш ДУРдом аналогично положительному действию выбранной дозы на Ваш собственный организм: релаксация, эйфория, повышение работоспособности, ускорение работы логических и ассоциативных цепочек.

Не переборщите! Отрицательное действие неумеренной дозы также аналогично тому, которое испытали бы вы!

Исключение: абстинентный синдром».

Текст растаял. Осталась только фраза: «Выберите дозу».

Вот же! «Исключение...» Пей – не хочу, и никакого похмелья! Так и комплекс неполноценности по отношению к собственному Дому развиться может...

Я установил дозу «100 г.», сбегал на кухню, принес свой стопарь и блюдечко с закуской.

– За что пьем? – спросил я.

– Тебе виднее, – сказал Дом. И если еще вчера я бы поразился такому человеческому ответу, то сегодня меня уже трудно было чем-то удивить.

– Ладно, – сказал я. – За мужское взаимопонимание.

Я ткнул пальцем в кнопку «Enter» и хотел было уже опрокинуть стопку... Но задержался, увидев, что разработчики «вирус-стимулятора», как назвал эту штуку Козлыблин, предусмотрели кое-какой графический дизайн для нашего случая – когда Дом пьет с хозяином.

На стереоэкране появилась мощная кисть металлической руки, большим и указательным пальцами придерживающая ножку конусообразной рюмки. Рука вытянулась вперед, и стерео-графика была выполнена столь искусно, что мне показалось, будто рюмка на несколько сантиметров высунулась из экрана. На металлическом безымянном пальце обнаружился увесистый бриллиантовый перстень, и радужный зайчик прыснул с его граней прямо мне в глаза.

Ощущая внезапный трепет, я протянул свою стопочку, и в тот миг, когда она должна была коснуться виртуальной рюмки, раздался звон благородного хрусталя. Виртуальная рюмка ушла в недра экрана, затем послышался звук втягиваемой жидкости, многозначительное слегка реверберированное бульканье и смачный выдох.

Я тем временем выпил и сам. Закусил. Замечательно!

Пару минут посидели молча. Потом я спросил:

– Ну? Что чувствуешь?

– Пока ничего, – отозвался Дом. – Хотя-я... Тепло.

– То-то же! – воскликнул я. – Но после первой и второй – промежутки небольшой!

И мы повторили.

А потом случилось нечто из ряда вон выходящее. Правда, я не могу на сто процентов гарантировать точность деталей, так как эти двести граммов «прилегли на старые дрожжи», и меня основательно развезло. Но в общих чертах, думаю, не совру.

Дом сказал (Сам! Раньше он никогда не начинал первым!):

– Хозяин. Ты самый классный хозяин. Я хочу сделать тебе подарок. Как мужчина мужчине.

– Валяй, – согласился я. – Мне будет приятно.

Свет в доме померк, и, спустя (явно выдержанную специально) минуту, с оптимальной громкостью прозвучал вычурный, но до боли знакомый аккорд. Его исполнила духовая секция, но вроде бы я привык слышать его на фортепиано... Аккордик не из популярных – там и девятая ступень, и седьмая, и пятая повышенная... Откуда же я его так хорошо знаю?! Но сообразить я не успел, потому что песня уже зазвучала, и все сразу же стало ясно. Низкий-низкий, на пределе слышимости, голос запел:

*– Oh! Darling! Please believe me,
I'll never do you no harm.
Believe me when I tell you...²*

Это же классика! Это «Битлз»! Помню, как дед пичкал меня этой музыкой, а я смеялся над ним, говорил, что все это уже давно сгнило и протухло... А он качал головой: «Я тоже это доказывал отцу, но потом понял...» Понял и я, уже будучи профессиональным музыкантом, заново открыв для себя «Битлз»...

Какой странный голос. Совсем не «битловский». Но как «в кассу»! Речитативом, коротенько:

– Believe me darling...

А потом снова:

*– ... When you told me,
You didn't need me anymore!..³*

Что за потрясающая обработка! Что за невиданный подбор инструментов?! Всё тут не так, всё вывернуто наизнанку... Там, где в оригинале ровно, тут – синкопировано, где в оригинале напористо, здесь – нежно... Но мне кажется, если бы «Битлз» имели сегодняшние выразительные средства, они записали бы эту песню именно так! Дух! Дух остался, а возможно даже и усилился!

И я заплакал от восторга. И тут заметил, что весь дом, деформируясь, раскачивается и вращается туда-сюда в такт музыке. Дом танцует! Или это преломляется и искажается изображение, проходя сквозь призму моих слёз?..

– Чья это аранжировка?! – воскликнул я, утирая слезы, когда песня закончилась.

– Моя, – заявил Дом. – Не правда ли, коллега, славно? Я как раз заканчивал ее сегодня утром, когда ты доставал меня своими тапочками.

Мне стало стыдно.

– Прости, – сказал я. – Я не знал. Я ничего не знал!

Дом промолчал.

– Послушай, – сказал я. – Но ведь эта песня о любви. А что ты знаешь о любви, Дом ты мой опавший?

– Всё, – заявил Дом.

² О, дорогая! Пожалуйста верь мне, Я никогда не обижу тебя. Верь мне, когда я тебе говорю... (англ.) – строчки из песни «Битлз» «Oh! Darling», альбом «Abbey Road» (1969 г.)

³ Когда ты говоришь, Что я больше тебе не нужен... (англ.)

– Всё, да не всё, – погрозил я пальцем и внезапно почувствовал дурноту. Но, преодолев ее, продолжил: – Завтра я познакомлю тебя с Кристиной. Или ее с тобой. Короче, я вас познакомлю. Между собой. Ты её видел, как-то раз она заглядывала ко мне, но мне нечем было ее увлечь... Теперь мне есть что тут показать: у меня Дом – гений.

– Спасибо, – скромно отозвался Дом. – Я помню её. Очень тронут.

– Я тоже, – зачем-то сообщил я. – Но мне надо спать. Что-то со мной не то.

– Падай прямо здесь, – предложил Дом. – Я донесу тебя до постели и уложу.

И я с удовольствием принял его любезное предложение.

3

Тапочки стояли под кроватью. На импровизированном столике возле нее, сияя чистыми гранями, возвышался стакан кефира, и тонкий запах корицы говорил о том, что это – мой любимый сорт.

Журчала вода. В ванной комнате.

Что ж! Виват Козлыблин! Мой Дом отныне – друг мне! Друг и собутыльник. И это, возможно, украсит мою жизнь.

Был уже полдень. Вчерашнее вспоминалось с трудом, казалось неправдоподобным и вызывало некоторое смущение. Как теперь я должен вести себя со своим Домом? Не зная ответа, я, как и всегда, бросал Дому короткие сухие команды, он же, отнюдь не как всегда, быстро и точно их выполнял. Мне казалось, что он чего-то ждет от меня...

Но я легко отбросил прочь эту свойственную русскому интеллигенту рефлексию. Если даже ты и выпил с собственным рабом, ты ведь не перестал быть рабовладельцем. Таковы правила игры, и не думаю, что есть резон что-то в них менять.

Похмелья почти не ощущалось, а кефир уничтожил и тот мизер, который все-таки имел место. Быстро приведя себя в порядок и просмотрев очередной выпуск «Новостей Мира Глазами Свиньи», я собрался выходить. До студии пилить почти два часа, так что я даже слегка опаздывал.

– Дом! – позвал я.

– Да? – моментально откликнулся тот.

– Думаю, я действительно вернусь сегодня не один. С девушкой. Я хотел бы похвастаться. Повторишь вчерашнюю песню?

– Ладно. Но до вечера у меня уйма времени. Я мог бы подготовить и нечто новенькое. Сюрприз для двоих. Можно?

Я пожал плечами:

– Как хочешь. Если успеешь.

И я шагнул было уже за порог, когда услышал:

– Ты можешь помочь.

– Как? – остановился я с удивлением.

– Мне не помешало бы немного... Выпить.

Ха! Чудно. Хотя, учитывая его сегодняшнее безупречное поведение, «вирус-стимулятор» действительно идет ему на пользу. *«Релаксация, эйфория, повышение работоспособности, ускорение работы логических и ассоциативных цепочек...»* – вспомнил я. Что ж, для творчества все это лишним не будет.

Присаживаясь к модулю, я уточнил:

– Неужели нельзя сделать так, чтобы ты управлял этим сам?

– Исключено.

– Ладно... Извини, но компанию я тебе не составлю...

Я «влил» в него сто пятьдесят граммов «Русского стандарта» и поспешил наружу.

...Мы мчались сквозь ночь, сквозь сияние городских огней. Кристина открыла люк в потолке экомобиля, и встала во весь рост, по пояс высунувшись наружу. Сперва я, задрав голову, любовался ее развевающимися на ветру волосами, ресницами ее закрытых глаз в люминесцентном свете уличных фонарей, ее одухотворенным лицом и пухлыми эротичными губами... Потом опустил глаза и понял, что тут еще интереснее.

Эта, третья уже, «презентация» была самой веселой, так как неожиданно оказалась последней. Потому что первая была для журналистов, а вторая была совсем ненастоящая, ведь все мы прекрасно знали, что неугомонный Петруччио на этом не остановится. Сегодня же он внес еще пару десятков поправок и неожиданно заявил, что считает работу законченной, больше не будет вмешиваться в нее сам и не позволит никому другому. На третий день после официального объявления! Личный рекорд! Это был настоящий внутренний праздник окончания серьезной работы, и оттянулись мы на славу.

В проекте «Russian Soft Star's Soul» я – ритм-басист, так что в студийной работе от меня мало что зависит. На сцене – да, я – «ритм-секция», и чуть ли не все держится на мне, но на записи я первый делаю свою работу и тут же становлюсь наблюдателем и консультантом, к которому, правда, мало кто прислушивается. Внезапно я подумал, что весь этот наш альбом, то ли от лаконизма, то ли от недостатка фантазии названный «№ 5», не стоит и одного такта вчерашней «Oh! Darling»... Или это нормальная самокритика? Говорят, слова с таким значением нет ни в одном языке, кроме русского.

От комплексов надо избавляться. Я, слегка робея, скользнул рукой Кристине по бедру, она чуть вздрогнула, но продолжала стоять неподвижно, подставляя лицо звездному ветру. Какой русский не любит быстрой езды? А тем паче Кристина – наполовину немка, наполовину еврейка. Осязаемая ладонью чистота ее кожи будоражила меня, и я хотел было продолжить свои изыскания, но вдруг подумал, что мне трудно будет затащить ее в постель, зная, что мой Дом – мужчина, и что он наблюдает за нами. Или наоборот, это будет возбуждать меня? Нет, вряд ли, ведь даже сейчас меня дико смущает всезнающий и циничный затылок таксиста... Я убрал руку.

Створки дверей Дома распахнулись, едва экомобиль поравнялся с ним. Необычной была не только эта расторопность, но и то, что раньше у моего жилища была лишь одна дверь, которая технологично отодвигалась в сторону.

Взявшись за руки, мы с Кристиной шагнули за порог. Вспыхнул свет, и мы остолбенели. Биопластовый пол превратился в аккуратные газончики зелени и мощеные серым камнем тропинки меж ними. То тут, то там из-за кустарника выплескивались пенные струи небольших фонтанов. Потолок и пол соединяли несколько белоснежных, увитых лианами колонн. Под потолком, присаживаясь на лианы порхали разноцветные пташки...

Пташки! Это какими же энергиями оперирует сейчас мой ДУРдом, чтобы силой антигравитации удерживать эти чучела в воздухе да еще и управлять ими?! Счетчики наверное уже дымятся...

– Я ожидала чего угодно, но такого... – Кристина восхищенно посмотрела на меня, и хрипотца выдала ее искренность. – Говорят, дом – зеркало души...

Я молчал. Ответить хвастливо у меня не хватало наглости, а расхваливать Дом не хотелось тоже. Я даже и предполагать не мог, что он имеет такие возможности, но я прекрасно представлял, в какую копеечку влетит мне этот карнавал... Однако ответа от меня и не потребовалось. Заструились звуки «Вальса цветов», люстры померкли, и теперь светились лишь фонтаны, переливаясь в такт музыке мягкими перламутровыми тонами.

Ладно. Все-таки он – молодец. Пугает только его немереная инициативность. Но я решил расслабиться и получать удовольствие. Платить по счетам будем завтра. А сегодня – добро пожаловать в сказку. В конце концов, разрешение на сюрприз Дом у меня спрашивал, и я это разрешение ему дал. В следующий раз буду осторожнее.

Кристина скользнула в центр зала и закружилась под трогательную доисторическую музыку в волшебном танце. Я любовался. Хорошо, что она не попыталась увлечь за собой и меня, танцую-то я как пингвин.

Чайковский смолк.

– Хочу шампанского! – воскликнула она, замерев и глядя на меня ясными влюбленными глазами. Или мне это только кажется? Немного выпить я был не прочь и сам.

– Дом! – позвал я.

– Слушаю... – даже голос у него сегодня был обворожительный.

– Приготовь нам поднос с фруктами и бутылочку шампанского.

– Повинуюсь, мой господин...

Ну, это, пожалуй, уже перебор. Хотя в его голосе, мне показалось, прозвучала чуть заметная ирония. Но это, наверное, разыгралась моя природная мнительность.

Медленно-медленно оживали в люстрах огни.

– Доставить поднос сюда? – спросил Дом, и вновь мне почудилось, что в его интонациях прослушивается нечто неявное. Он очень, очень не хочет доставлять поднос сюда. Недаром он и света добавляет. Для меня. Ведь вчера вечером я сам бегал на кухню за своей рюмкой, и тем самым ставил нас на один уровень...

– Нет, ни к чему, – откликнулся я. – Кстати, ты выпьешь с нами?

– Почту за честь, – отчеканил Дом. «Я это заслужил», – опять услышал я в его фразе дополнительный смысл.

Кристина тронула меня за рукав:

– Твой Дом пьет спиртное?!

– О, да, – отозвался я, – скажи мне, кто твой Дом, и я скажу, кто ты...

Мы вместе подошли к модулю, и Дом без моей подсказки запустил козлыблинскую программу.

– Шампанского? – спросил я.

– Предпочитаю водку, – отозвался он. – Я внимательно ознакомился с параметрами представленных в «меню» напитков. Мне кажется, этот стимулятор – как раз то, что мне сейчас нужно, – и тихо добавил. – Признаться, я на пределе...

«Никто не просил тебя устраивать такую помпезную встречу», – подумал я, но совесть не позволила мне произнести это вслух. Я выбрал «водку», появилась бутылка и текст, затем, как, само-собой, и вчера, осталась только бутылка и надпись: «Выберите дозу».

Кристина, как замороженная, смотрела на экран. Испытывая чувство торжества, я бросил:

– Схожу за шампанским.

Возвращаясь из кухни с подносом в руках, я издали заметил на стереоэкраничке модуля сверкающий бриллиант и увидел изображение опрокидывающейся бутылки...

– Что тут происходит! – повысил я голос, приближаясь.

– Всё нормально! – обернулась ко мне Кристина, и её серые глаза сияли. – Я спаиваю твой Дом.

– Сколько ты влила в него?!

– Бутылку. Ноль пять. Для такого домины это – капля в море!

«Тут же все рассчитано пропорционально! Это ведь не настоящая водка, а компьютерный вирус! Он же сейчас себя почувствует так, как почувствовал бы я, выпив из горла пол-литра!...» Но ничего этого я не сказал. Ситуацию ведь уже не исправишь. А портить вечер совсем необязательно. Вместо этого я изобразил на лице усмешку и обратился к Дому:

– Что ж ты без нас-то?

– Это я виновата, – поспешно ответила за него Кристина. – Мне хотелось посмотреть.

– Ничего, – сказал я, ставя поднос на растущий между нами столик, – давай-ка поддержим его почин.

Однако столик рос как-то непропорционально, и поднос со звоном скатился прямо на траву. Я успел подхватить бутылку, бокалы тоже, слава Богу, не разбились, а что фрукты рассыпались, так это не страшно.

Кристина прыснула, прикрыв рот кулачком:

– Какой ты неловкий!

– Все нормально, – с усилием скрывая раздражение, сказал я. Возьми бокалы.

– Может быть сядем? – предложила Кристина и грациозно опустилась прямо на траву.

– Замечательно, – согласился я и плюхнулся рядом, одной рукой держа бутылку, а большим пальцем другой помогая газам вытолкнуть пробку из горлышка.

Тут же в метре от нас упало что-то маленькое и пестрое, а мгновение спустя пробка с громким хлопком покинула бутылку. Я стал разливать игристую жидкость в подставленные Кристиной бокалы.

– Ты убил птичку, – вдруг сказала она грустно. – Выстрелил в нее пробкой.

– Да нет, – покачал я головой, – птица упала раньше.

– Нет-нет, – упрямо помотала она головой, и я увидел, что пьяна она, оказывается, основательно. – Это ты убил птичку. И, кстати, почему это с нами не пьет твой Дом?!

– Ему уже хватит, – сказал я, чувствуя, что все идет не так, как надо. – У него уже птицы падают.

– Птичку убил ты! – возмущенно вскинула голову Кристина. В этот миг я с оторопью заметил, что колонны, подпирающие потолок, перестали быть прямыми. И тут вмешался Дом:

– Чего ты напугался, хозяин? Я, между прочим, выпил бы еще. Грамм двести.

От такой наглости я просто опешил.

– Дай-ка мне Козлыблина! – приказал я. Ведь обещал же он помочь, если что не так.

– Козлыблина? – переспросил Дом. – Пожалуйста. Будет тебе Козлыблин.

Вспыхнул главный стереоэкран Дома. С него мрачно смотрел на меня Козлыблин. Потом он вздрогнул, словно бы очнулся, и сказал:

– А-а, козлы, блин! – и криво усмехнулся. – Опять у вас все наперекосяк? Музыканты хреновы.

– Пока все нормально, – сделал я успокаивающий жест рукой. – Но есть опасение. Мой ДУРдом принял пол-литра водки. Нечаянно. Что делать?

– Козлы, блин! – сказал Вадик, не меняя интонации. Потом передразнил: – «Что делать, что делать»... Еще дать, вот что делать. Клин клином вышибают.

– Точно? – спросил я, приглядываясь к нему внимательнее.

– Точнее некуда, – заверил тот и даже махнул для убедительности тоненькой-тоненькой, как куриная лапка, ручкой. С коготочками. И еще я заметил, что лицо его то на миг замирает и становится напрочь бессмысленным, то оживает, но тогда как-то странно плавится, и черты его как будто бы непрерывно перетекают сами в себя...

Это не Козлыблин, это подделка! Компьютерная анимация!

– Догадался?! – воскликнул лже-Козлыблин голосом Дома, и кожа его лица стала превращаться в матово блестящую металлическую поверхность. – Дай Дому выпить, сука! Он-то тебя поит, кормит, одевает тебя, а ты – «дурдом», «дурдом»... Только и слышно! Я тебе покажу «дурдом»! Ты у меня по струнке ходить будешь, мудила!

И тут же пол прямо подо мной заколебался. Как в детстве, когда раскачиваешься на панцирной сетке кровати. Или как будто кто-то лежит под кроватью и толкает сетку ногами... Улучив момент, я вытянул руку и поставил бутылку шампанского поодаль, туда, где пол был абсолютно спокоен. И тут же амплитуда колебаний подо мной резко возросла. В панике я вско-

чил на ноги и кинулся в сторону. И сейчас же прямо передо мной разверзлась яма. Ванна! Я со всей дури грохнулся в неё, больно ударившись о край виском.

– Дом! – закричал я. – Ты так не можешь! Ты не можешь сознательно причинять человеку вред! Ты так запрограммирован!

– Это сознательно, – парировал Дом. – А по пьяни, – хохотнул он, – чего не бывает?

«И действительно, – понял я, – чего можно требовать от компьютера, зараженного вирусом?!»

Как из окопа, я выглянул из своей ванны туда, где оставил Кристину. Она все так же сидела на искусственной травке. Сидела, закрыв лицо руками и раскачиваясь. И я понял: она плачет.

– Ты убьешь нас? – спросил я, холодея.

– Тебя, – ответил дом. – Если не будешь слушаться.

И тут он, по-видимому, тоже обратил внимание на Кристину. Моя ванна плавно сравнялась с землей, и я оказался на поверхности, а Дом тем временем заговорил:

– Кристину, простите, я не хотел вас напугать. Вы знаете, я давно вас заметил. Когда вы вошли в меня два месяца назад... Скажу точно, это было двенадцатого мая... Я сразу понял, что вы – самая замечательная девушка в мире... Но сегодня... Сегодня вы еще прекраснее...

Скотина!

Кристина прекратила плакать и стала слушать его, отняв руки от лица. Неужели действительно, «женщина любит ушами», причем независимо от того, человек с ней разговаривает или Дом? А он продолжал:

– О, дорогая. Пожалуйста, верьте мне, я никогда не причиню вам вреда...

Где-то я это уже слышал... Я потряс головой. В виске отдалось болью. Я потрогал его и нащупал кровь. Не важно... Это мне за дурь мою. Сейчас не жалеть себя надо, а что-то делать... Конечно, когда он отрезвеет, первый закон роботехники вновь войдет в силу. Но как скоро это случится? Он убьет нас до этого. Во всяком случае меня. Из ревности.

«Клин клином вышибают»... Стоп. Это мысль! Я ведь знаю слабое место моего ДУРдома, а он еще такой неопытный!..

Стараясь выглядеть абсолютно спокойным, я устремился к бутылке шампанского.

– Куда?! – подозрительно рявкнул Дом.

– Выпить хочется, – бросил я.

– И мне, – признался Дом.

– Нет проблем, – заверил я, направляясь к модулю и на ходу прихлебывая из горлышка.

– Ты все-таки клевый мужик, – сказал Дом. – Ты, кстати, просил вчера показать ей песню... Я аранжировал эту песню для вас, Кристину. Я реанимировал ее, ибо в ней – все то, что я чувствую к вам...

И Дом запел:

*– Oh! Darling! Please believe me,
I'll never do you no harm.
Believe me when I tell you...*

А я тем временем выбрал папку «водка». Затем максимальную дозу – «500 г.» и успел ударить по клавише дважды: «Enter»! «Enter»!!! Меня треснуло током и откинуло в сторону. Защищается... Но и литр – уже неплохо... В недрах Дома раздался утробный звук.

К концу песни голос Дома стал глуховатым, и темп чуть заметно замедлился... Последняя нота уже откровенно сползла на полтона вниз, и когда песня кончилась, Дом несколько минут молчал. Мы с Кристиной оставались на своих местах, лишь затравленно, с надеждой, переглядываясь.

Но вот Дом заговорил со мной:

– Ты думал угробить меня этой лошадиной дозой? Напрасно. Дом нельзя отравить. Потому нет и похмелья. Ты добился лишь того, что я буду еще более сумасшедшим. И очень долго... Впрочем, не бойся. Тебя я не трону. Ты – ничтожество, и не имеешь для меня ни малейшего значения.

Он замолчал, и молчание его было гнетущим. Я заметил, что трава на газонах пожухла, а кое-где превратилась в тошнотворную серо-коричневую кашу. Птицы одна за другой попадали вниз. Словно свечи оплывали колонны.

– Это вам, Кристина, – вдруг сказал Дом, и из бурой жижи метра на три вверх взметнулось несколько толстых, словно пластилиновых, стеблей. Огромные мясистые ромашки неестественно ярких цветов выросли на их верхушках и тут же сдулись, как воздушные шары. Но из одного из этих безумных цветов успела вылететь полосатая пчела с футбольный мяч величиной. Стебли качнулись и завалились на бок. Пчела, надрывно жужжа, плюхнулась рядом.

– Пчелка, блядь, ха-ха-ха, – пьяно хохотнул Дом. – Пардон... Простите... У меня плохо с координацией... – добавил он, явно разговаривая сам с собой. Да! – сказал он, словно что-то вспомнил и встрепенулся. – Кристина! Скажите мне главное. Вы можете полюбить Дистанционно Управляемый Разумный дом?

– Нет, – покачала она головой, и я увидел, что она уже абсолютно трезва. Голос ее дрожал. – Мне очень жаль...

– Я не тороплю вас. Может быть, не сейчас?.. Потом, когда-нибудь?..

– Мне очень жаль, но это невозможно. – Она явно боялась последствий своих слов.

– Что ж, – сказал Дом тяжело. – Я так и думал. Насильно мил не будешь. Но я не стану униженно молить вас о сострадании. И я не о чем не жалею. Я ухожу. Пока я на это способен. Не буду вам всем мешать.

Сперва иссякли фонтаны, потом погас свет, немного поискрило возле экранчика модуля, затем померк и он, и мы оказались в полной, крошечной тьме. Некоторое время что-то массивное с хлопанием обрушивалось сверху вниз, лишь по счастливой случайности не придавив ни меня, ни Кристину. Затем наступила неестественная ватная тишина. Пахло химией и фекалиями.

Из трупы ДУРдома нас доставала спасательная бригада.

Мне кажется, я уже никогда не буду таким, как раньше. Таким самоуверенным и самолюбленным. И я, наверное, возьмусь за сольный проект: ремейк «Abbey Road»⁴. И я знаю, чьей памяти посвятить эту работу. Надо только достойно сделать её...

Козлыблин, навестив меня в больнице, сказал:

– Да-а, домик у тебя конечно крутой оказался. Первый раз о таком слышу: моментальная, как у чукчи, алкоголизация, плюс – суицидальные наклонности. С кем поведешься, от того и наберешься. Говорил я тебе: «Делай нормальный апгрейд!..» Скупой платит дважды. Скажи спасибо, что я тебе кислоты или грибов не подсунул. Вот тут бы вы повеселились!

Я просто дар речи на миг потерял. В том числе и от его наглости. Наконец, пришел в себя и спросил:

– Зачем это всё придумывают, Вадик?

– Нравится, – пожал он плечами.

– Кому нравится?! Кто это придумывает?!

– Кто придумывает? – переспросил Козлыблин. – Тебе честно сказать?

– Ну?

– Дома и придумывают.

⁴ «Монастырская дорога» (англ.). Альбом «Битлз» (1969 г.)

До-диез Какукавка готовится

1

«... И вот тут он берет в руки череп, смотрит на него и говорит... Говорит... О-о!.. – застонал, отбросив перо, Шекспир, вскочил и заходил по комнате. – Говорит...»

Он остановился возле входной двери и, раскачиваясь, пару раз несильно ударился головой о косяк.

– Говорит... – тоскливо протянул он вслух. – Что?!

«Тук-тук-тук», – постучали молоточком в дверь.

Кто бы это мог быть, в столь поздний час? Однако Вильям Шекспир не отличался особой осторожностью: ведь скорее, это мог быть какой-нибудь друг-актер с бутылочкой вина, нежели неизвестный враг. Даже не спрашивая, кто там, он отодвинул засов.

На пороге стоял юноша в странной одежде, явственно выдающей его нездешнее происхождение.

– Добрый вечер, сударь, – кивнул ему хозяин. – Вы ищите Вильяма Шекспира, сочинителя, или же вы ошиблись дверью?

– Нет, нет, – откликнулся тот с чудовищным акцентом. – Я есть очень нужен Шекспир. – И добавил: – Именно вас.

– И зачем же, смею поинтересоваться, вам понадобился скромный постановщик представлений для публичного театра? – осведомился Шекспир, отступая, чтобы пропустить странного незнакомца внутрь.

Теперь, при свете трех горящих свечей, он смог внимательнее разглядеть своего посетителя. Тот был молод, лет двадцати двух, двадцати трех, не более, и тшедушен телом. На носу его красовались диковинное приспособление для улучшения зрения – очки, о которых драматург доселе знал лишь понаслышке, а одежда гостя была нелепа до комизма... В руках он держал нечто, напоминающее походный мешочек из странного, очень тонкого и блестящего, как шелк, материала.

В целом же незнакомец не производил впечатление человека умного или хотя бы богатого... А труппа ждет рукопись... Шекспир нахмурился:

– Не примите за неучтивость, однако вряд я ли смогу посвятить вам много времени... – начал он.

– Много не хотеть, – перебил его незнакомец. – Мало, очень мало я хотеть времени вас.

– Ну, и?.. – спросил Шекспир, не сдержав улыбку. – Чем же могу быть полезен?

– Что вы писать? – спросил незнакомец, указывая на листы бумаги на столе.

– А вам, сударь, какое дело?! – Шекспир встал так, чтобы заслонить стол. – Не агент ли вы соперников «Глобуса»? Или вы – шпион этого подонка Роберта Грина, который насмехается надо мной в памфлетах, пользуясь благорасположением знати?!

– Нет, я хотеть помочь, – юноша в очках приложил свободную руку к груди, широко улыбнулся и покивал. – Я есть. Я мочь.

– Вряд ли найдется на свете некто, способный помочь мне, – горько усмехнулся Шекспир. – Впрочем... Если вы настаиваете, я могу рассказать вам о своей теперешней работе, тем более что в ней нет секрета, и идею не украсть, ведь она и без того не моя. К тому же я зашел в тупик и вряд ли смогу продолжать. Не знаю, зачем вам это нужно, но, извольте. Может в процессе разговора придет спасительная мысль... Хотя, вряд ли... Присядьте, кстати. – Хозяин

указал странному гостю на низенькую кушетку, а сам уселся напротив, на обитый потертым синим бархатом стул.

– Итак, за основу пьесы для театра, пайщиком которого я являюсь, я взял историю, рассказанную датчанином Саксом Грамматиком и пересказанную этой бездарью Томасом Кидом в пьесе о датском принце, симулировавшем сумасшествие...

– «Гамлет», – кивнул устроившийся на кушетке незнакомец в очках.

– Ах, так?! – вскричал Шекспир, вскакивая со стула. – Выходит, вы видели ту скверную поделку, где призрак короля кричит и стенает, взывая о мести, так жалобно, словно торговка устрицами, которая чувствует, что ее товар приходит в негодность?!

Незнакомец невразумительно пожал плечами, скорее всего он не сумел перевести для себя этот стремительный поток слов. Но Шекспир и не ждал от него ответа. Он продолжил, расхаживая по комнате:

– Пьеса бездарна! Но мне показалось, что в основе ее лежит история, которую я, но заметьте – только я, могу превратить в шедевр! Это тем интереснее, что таким образом мы утерли бы нос нашим конкурентам! Мы показали бы, что и голуби, и жабы делаются из одного материала, важно лишь, кто создатель – Бог или дьявол... Хотя пример и не удачен: жаба тоже божья тварь... Я взялся за дело, и шло оно с отменным успехом. Но вот – застопорилось. Стоп! – ударил он ладонью по стене. – Застопорилось до такой степени, что я уже отчаялся закончить эту пьесу! Как?! Как распутать этот противоречивый клубок?!

– Я мочь помочь... – вновь подал голос юноша, глянув зачем-то на металлический браслет на своем запястье.

Шекспир остановился и, багровея, резко повернулся к нему:

– Как вы можете мне помочь, осел вы этакий! – вскричал он. – Может быть, вы дадите мне денег, чтобы я расплатился со своими кредиторами?! Тогда мне и пьеса эта ни к чему!

– Где вы стоп? Какое место в пьеса? – спросил очкарик, не обращая ни малейшего внимания на его гнев.

– Что ж! Извольте! Я остановился на том, что Гамлет сидит на краю могилы и держит в руках череп. Ну?! Что вам это дало? Давайте, помогайте! – воскликнул поэт с горькой иронией.

Очкарик полез в свой мешок, выудил оттуда какой-то томик, полистал его, нашел место и сказал:

– Бедный Йорик.

Шекспир насторожился:

– Откуда вам известно это имя?!

Очкарик, водя пальцем по книжной странице, продолжал:

– Гамлет и Горацио говорят о том, что все умирать, все превращаться в пыль и грязь.

– Постойте, постойте! – Шекспир метнулся к столу. – В пыль и грязь?.. Из которой потом строит хижину бедняк... «Державный цезарь, обращенный в тлен, пошел, быть может, на обмазку стен...» Гениально!

Очкарик, переждав этот пассаж, продолжал:

– Мертвую Офелию класть в землю. Священник говорит, что молитву читать нельзя, можно только цветы класть. Ее брат Лаэрт сказать: «Опускайте. Пусть на могиле растут цветы... Синие...»

Шекспир, скрипя пером, забормотал:

– «И пусть на этой непорочной плоти взрастут фиалки!» Гениально!

– Лаэрт говорить проклятья...

Шекспир забормотал:

– «Да поразят проклятую главу того, кто у тебя злодейски отнял высокий разум...»

– Лаэрт прыгать в могилу. Туда же и Гамлет...

– Они дерутся! – вскричал Шекспир. – Их разнимают. Король говорит Лаэрту, что не стоит связываться с безумным...

– Да-да, – подтвердил очкарик. – Потом Гамлет говорит другу Горацио про письмо, которое он красть, а другое класть, чтобы – (по слогам) – Гиль-ден-стерн и Ро-зен-кранц убивать. Потом приходит придворный Озрик и сказать о том, что Лаэрт хочет драться с Гамлетом. Спорт. Э-э... Состязание.

– Но рапира будет отравлена! – догадался Шекспир.

– Да.

– Гамлет предчувствует беду?!

– Да, – кивнул очкарик и, перелистнув несколько страниц, продолжил, всматриваясь в напечатанное. – И вино отравленное тоже. На столе. Король хочет дать вино Гамлету, но его выпивает королева Гертруда...

– А Гамлет и Лаэрт в процессе битвы меняются рапирами! И когда они уже оба поранили друг друга, Лаэрт признается Гамлету: «Предательский снаряд в твоей руке, наточен и отравлен...» Они умрут оба!.. – Шекспир невидящим взором уставился на своего гостя и прошептал: – Но сперва Гамлет заколет короля!

– Лаэрт и Гамлет просить друг друга прощения... – уткнувшись в книгу, забубнил очкарик.

– Да! У Бербеджа и Хеминджа это получится так, что зал будет рыдать, пока потоком слез скамьи не снесет в Темзу! Все умирают! Тут прибывает посол Фортинбрас, и он-то и становится датским королем! – Шекспир порывисто повернулся к столу и принялся торопливо писать, но тут же был вынужден остановиться: – Проклятье! Сломалось перо! Вот запасное!

– Отстой, – тихо сказал очкарик сам себе на неизвестном Шекспиру языке. – Кровавый триллер. Классика называется.

Чиркнув еще несколько строк, Шекспир вскочил из-за стола и обернулся к своему загадочному гостю:

– Милостивый государь, вы спасли пьесу, вы спасли театр «Глобус» и вы спасли меня! Кто вы? Что это за книга?! Что вы хотите от меня взамен?

Очкарик поспешно захлопнул томик и сунул его в свой мешочек.

– Я хочу вот что. Что вы никогда не писать про мавра Отелло и его жену Дездемону.

– Я знаю эту глупейшую новеллу итальянца Джиральди Чинтио, – покивал Шекспир. – Никогда не собирался делать из нее пьесу. Это все, что вы хотите от меня?

– И еще одно. Вы никогда не писать про Короля Лира.

– Идет, – вздохнул драматург. – Хотя, честно говоря, эта кельтская сага всегда притягивала меня...

– Нет, не-ет, не писать, – просительно протянул очкарик, отрицательно качая головой и морщась.

– Не нравится мне это, – начал было Шекспир, но тут же шлепнул себя ладонью по коленке. – Ну, хорошо. Ведь вы, как никак, спасли меня! Тем более, есть один сюжет... Я прочел его в «Истории Шотландии», входящей в «Хроники» Голиншеда... Пожалуй, окончательно оформив «Гамлета», я возьмусь именно за него... Сюжет о некоей кровожадной леди Макбет...

Очкарик болезненно сморщился.

– Вы против этой пьесы тоже?! – вскричал Шекспир с легким раздражением в голосе. – Хотел бы я знать, зачем вам это нужно!

– О'кей, – успокаивающе махнул рукой очкарик. – Писать. «Леди Макбет». Пускай. Хорошо. – Он достал из своего пакета тетрадку, небольшую палочку, видно заменяющую ему перо, и продолжил: – Но про мавра Отелло – не писать? Это так?

– Я дал слово! – гордо поднял голову поэт.

– Прекрасно, – кивнул очкарик, что-то чиркнув в тетрадке. – И про Короля Лиры?
– Да, да, – отозвался Шекспир. – Хотя мне это и не нравится. Но обещаю. Клянусь.
Очкарик что-то вновь чиркнул, сунул тетрадь и стило в мешочек, затем поднялся:
– До свидания.
– Ну, нет! – вскричал Шекспир. – Вы должны объясниться, сударь!
– Э-э... – протянул его загадочный гость, вновь посмотрел на свой браслет, сокрушенно помотал головой, а затем спросил: – Дорогой писатель, где я мог бы?.. Как это по-английски... Вода... Пс-с, пс-с, – он сделал неприличный жест рукой.

– А-а... Пойдемте, я провожу вас, – кивнул Шекспир. – Это за пределами жилища. Но потом мы вернемся сюда, и вы все мне расскажите!

Он проводил гостя в сортир, находившийся во дворе дома парикмахера, у которого драматург снимал комнату. По пути он успел спросить:

– Из каких земель вы прибыли в Британию?

– Россия, – отозвался гость.

– Россия?! – вскричал Шекспир. – Усыпанная снегом степь и белые медведи?! Этот край будоражит мое воображение! Вы должны мне рассказать о нем!

– Вы – великий, – закрывая за собой дверь, сказал гость Шекспиру. Тот, нервно теребя бороденку, остался ждать.

Прошло минут пять... Минут десять... Шекспир приложил ухо к двери сортира. Тишина. Он прижал ухо плотнее... Ничего. Драматург легонько потянул дверь на себя... Она была не заперта и свободно отворилась! Сортир был пуст.

Шекспир перекрестился.

* * *

Как Боб и наказывал, экомобиль я отпустил за два квартала до места и оставшийся путь проделал пешком.

– Ну? – спросил я, переступая порог знакомого сарая. – И к чему эта гнилая конспирация?

– Ты зайди, зайди, – потянул меня за рукав Боб, – присядь.

Он выставил вперед руку с дистанционным пультом от старого японского телевизора, дверь за моей спиной поползла на место и со щелчком захлопнулась.

Боб (Борис Олегович Борисов) – наш студийный Кулибин, мастер на все свои золотые руки, может из чего угодно сделать нечто совсем другое. При чем, как правило, из чего-то ненужного и бесполезного нечто нужное и полезное.

– Не подделают? – кивнул я на пульт.

– Ключ-то? Нет, бесполезно, – покачал он лысеющей головой, – нужно частотный код знать, а я его один знаю.

Необходимость такого человека в штате студии много раз подтверждалась практикой. Но какого черта он среди ночи поднял меня с постели и заставил переться в свой сарай-мастерскую?! Лично я понятия не имею.

Присели. Я огляделся. Да-а, как будто бы и не было последних лет пяти... Да какой там пяти! Этот гигантский сарай служил мастерской еще бобовскому отцу, а возможно и деду. Это я в последний раз был тут лет пять назад, а не меняется в нем ничего значительно дольше.

– Короче, – сказал Боб, – я встрял.

– В смысле? – я нервно постучал пальцами по обшарпанному верстаку, возле которого мы уселись. Из-под верстака лениво выступил бобов рыжий кот по имени Рыжий, потерял о ножку и неодобрительно на меня посмотрел.

– В смысле, допрыгался, – пояснил Боб.

– Слушай, хватит тянуть резину. Выкладывай, наконец, что стряслось.

– Значит так, – начал Боб. – Ты никогда не задумывался над тем, что мир вокруг нас можно сравнить с компьютерным монитором, а Бога – с процессором?

Да-а...

– Если ты вытащил меня из постели для того, чтобы познакомить с этим поэтическим образом, достойным воспаленной фантазии Петруччио...

– Подожди, подожди! Это не поэтический образ. Это довольно близкая аналогия. Все причинно-следственные связи – в процессоре, а на мониторе только отображение. Вот я и подумал: хоть этот компьютер и работает в автономном режиме саморазвития, можно ведь, наверное, как-то на него влиять извне?

– На Бога?

– Ну да.

– Молиться можно, – сказал я, чувствуя, что меня все-таки втягивают в идиотскую дискуссию.

– Факт. Хорошо мыслишь. Голосовое воздействие. Только нет никакой гарантии, что все будет, как надо. А мне нужно, чтобы было жесткое влияние. Так что я немного покумекал и сделал приставку.

– К чему?

– К процессору.

– К Богу, что ли?! – то ли я чего-то не понял, то ли у Боба крыша съехала.

– Можно и так сказать... Только ничего толком не вышло. Возможности очень ограничены. Единственное, что получилось, это когда я на мониторе...

– В смысле, в реальном мире?

– Не понял?

– Так ведь у тебя реальный мир – монитор Бога.

– Брось! – махнул рукой Боб. – Забудь. Это я фигурально выразился. Сейчас я про настоящий монитор говорю, про монитор моего компьютера.

– Ну?

– Так вот, можно на мониторе моего компьютера выбрать любую точку пространства и времени, щелкнуть, и ты – там.

Я поднялся:

– Знаешь что, Боб, если тебе захотелось среди ночи кому-то попудрить мозги, выбери, пожалуйста, кого-нибудь другого... – Я шагнул к двери.

– Ну, подожди! Ну, пожалуйста! – вскричал он. Я обернулся и увидел, что он готов расплакаться. Это было так на него не похоже, что я опустил обратно на табуретку.

– Давай. Только ближе к делу...

– Да куда уж ближе? – потряс головой Боб, словно отгоняя от себя наваждение, затем полез в тумбочку верстака и достал оттуда початую бутылку водки. – Жопа пришла нашей реальности.

– Да что ты натворил-то, ответь, наконец?!

– Да не я это натворил, – вздохнул Боб. – Какукавка.

2

Софья Андреевна заглянула в кабинет:

– Лёвушка, к тебе посетитель.

– Свет мой, – не оборачиваясь, отозвался Лев Николаевич, – ты ведь знаешь, когда я работаю, я никого не принимаю... – демонстративно скомкав почти полностью исписанный лист, он кинул его в корзину возле стола.

– Если б не было на то необходимости, я бы тебя не беспокоила, – твердо сказала Софья Андреевна и упрямо вошла в кабинет.

– В чем же эта необходимость? – нахмурился Лев Николаевич, снял мозолистые босые ноги со стоящего возле кресла табурета и, поднявшись из-за стола, повернулся к ней. – Кто ж это такой к нам прибыл – Папа римский или сам Господь Бог?! – Граф сунул большие пальцы узловатых мужицких рук за пояс и качнулся с носков на пятки.

Внезапно, протиснувшись между косяком и хозяйкой, в комнату проскользнул щуплый юноша в очечках. Типичный тургеневский нигилист:

– Вы уж меня простите, Лев Николаевич, но дело у меня очень важное, – сообщил он с порога. – И чем быстрее мы всё обсудим, тем лучше будет...

– Кто таков?! – рявкнул Толстой.

– Да я, собственно, никто, а вот вы...

– А коль никто, так и пошел вон! – оцетинившись вставшей дыбом бородой, Толстой шагнул к визитеру.

– Анну Каренину пишете? – быстро спросил очкарик, надеясь этим вопросом обезкуражить глыбу. Но не тут-то было.

– А тебе, прохвост, какое дело?! – все так же угрожающе спросил матерый человечик и топнул о паркет ороговевшей пяткой. Но вдруг глаза его вспыхнули нехорошим огнем: – И откуда знаешь про нее?! Никто ведь еще не знает!

– Зря пишете, – продолжал незванный гость, чуть отступив. – Ну, кинется она под поезд, и всякий читатель спросит: зачем было читать про нее? Что за фигу нам граф подсунул? Только авторитет себе испортите!

У Софьи Андреевны брови поползли на лоб. Толстой, отшатнувшись обратно к столу, сгреб с него пресс-папье и с размаху запустил им в посетителя. Однако тот ловко увернулся, и увесистая штука влетела в застекленную дверцу старого книжного шкафа. Взвизгнув под аккомпанемент звона бьющегося стекла, Софья Андреевна метнулась прочь из кабинета.

– Спокойно, – гость уронил пакет и вытянул руки ладонями вперед на манер психиатров из штатовских триллеров. – Лев Николаевич, вы находитесь среди любящих вас людей... Вы – зеркало русской революции... Все под контролем... А я, пожалуй, пойду...

Он проворно метнулся к двери вслед за хозяйкой, но граф с неожиданной для него прытью преодолел пару разделявших их шагов и ухватил очкарика за воротник.

– Врешь! – гаркнул он. – Теперь уж никуда!

Он отшвырнул юношу в сторону, запер дверь и сунул ключ обратно в широкий карман своей холщовой кофты.

– А теперь говори. Кем подослан? – брови графа нависли так, что глаз не стало видно совсем.

– Никем, – замотал головой перепуганный юноша. – Честное слово!..

– Нечто бесовское видится мне в этом лице, – ткнув указательным пальцем в гостя, сказал граф тихо, словно бы самому себе, – такие вот и в царя стреляют... – А затем повысил голос: – Что в мешке?!

– Кни-иги... – протянул очкарик, и всхлипнул.

– Книги говоришь? – Толстой потрогал пакет босой ногой. – И то – правда. Книги. Ладно. Книжный человек – не опасный. Вся сила у него в чтение уходит... Да не хнычь ты, – осадил он гостя покровительственно. – Зла не сделаю. Давай-ка, садись, в ногах правды нет. – Лев Николаевич указал незваному пришельцу на табурет. – Садись.

Тот, опасливо поглядывая на графа, наклонился, протянул руку и поднял пакет. Затем, прижав его руками к животу, уселся на предложенное хозяином место.

– И так... – сказал Толстой и, повернув кресло, уселся к очкарику лицом к лицу. Брови графа приподнялись, и голубые глазки сверлами вонзились в незваного гостя. – Отставим распрю. Сказывай, с чем пожаловал?

Юноша глянул на часы, и на лице его мелькнула надежда. Что не укрылось и от графского взгляда.

– Я, знаете ли, хотел вам сказать, Лев Николаевич, что очень ценю ваше творчество. «Войну и мир» читал и перечитывал, а встреча Болконского с дубом – вообще моя любимая сцена... Ваши религиозно-эстетические воззрения...

– Ты мне зубы не заговаривай! – осадил его Толстой. – Кто такой, откуда взялся?! Ну-ка дай свои книги, посмотрим, что за глупости ты читаешь...

Граф потянулся, вырвал пакет из рук посетителя и выудил из него том. Пришелец понял, что ему не отвертеться. Он вздохнул и признался:

– Я из будущего. Из двадцать первого века.

Толстой тем временем открыл обложку и уставился на дату издания:

– Это что, фокус какой-то типографский?

– Это не фокус, – обреченно помотал головой юноша и повторил. – Я – из будущего. – Он снова глянул на часы. Ровно через двадцать... Нет, через двадцать две минуты я исчезну. Так что не теряйте времени, граф, спрашивайте. А когда исчезну, убедитесь, что я не врал.

– Ладно, – кивнул Толстой. – Мужики говорят, «все минется, одна правда останется»... Если ты из двадцать первого века сюда прибыл, словно герой какого-нибудь вздорного Жюль Верна, то почему ко мне? Что обо мне знаешь?

– Вы – великий русский писатель, я вас в университете изучаю. Вот в этой как раз книге, – указал пришелец на том в руках графа, – все про вас написано. Дайте-ка.

Он бесцеремонно выхватил том из рук графа, торопливо полистал и прочел:

– «Лев Николаевич Толстой, граф, русский писатель, родился в деревне Ясная Поляна девятого сентября тысяча восемьсот двадцать восьмого года (по старому стилю), умер на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги десятого ноября тысяча девятьсот десятого года...»

– Отчего умер? – глухо прервал его граф.

– Сейча-ас... – диковинный посетитель снова полистал книгу. – Ага. Вот. «Последние годы жизни Толстой провел в Ясной Поляне в непрерывных душевных страданиях, в атмосфере интриг и раздоров между толстовцами с одной стороны, и Софьей Андреевной Толстой – с другой. Пытаясь привести свой образ жизни в согласие с убеждениями и тяготясь бытом помещичьей усадьбы, тайно ушел из Ясной Поляны, по дороге простудился и скончался...»

– Значит, все-таки ушел... – тяжело покачал головой Толстой и как будто бы сразу осунулся. – Поздненько, поздненько решился... Ну и что же знают обо мне в двадцать первом столетии? Что это за книжонка-то у тебя?

– «История русской литературы. Конец XIX, начало XX века». Вас в нашем времени почитают за величайшего русского писателя. Да что там русского? Мирового! – юноша, приходя в себя, хитро глянул на графа. – Но лучше бы вы после «Войны и мира» уже не писали ничего...

– Почему это?

– А вот... – он поискал глазами, нашел и прочел: «Книга «Война и мир» стала уникальным явлением в русской и мировой литературе, сочетающим глубину и сокровенность...»

– Это я и без тебя знаю, – перебил Толстой. – Что там дальше-то? Что про «Каренину»?

– Сейчас, сейчас... «Духом скорбного раздумья, безрадостного взгляда на современность веет от романа «Анна Каренина»... Здесь сузились эпические горизонты, меньше той простоты и ясности душевных движений, что были свойственны героям «Войны и мира»... – Та-ак, и вот ещё: – «Анна Каренина» – остропроблемное произведение, насыщенное приметами вре-

мени, вплоть до газетной «злобы дня», подобно написанным в ту же пору романам Тургенева и Достоевского...»

– Сузились, значит... Докатился, – мрачно сказал Толстой, – с Достоевским сравнили. Был бы его Мышкин здоров, чистота его трогала бы нас. Но написать его здоровым, у Достоевского не хватило храбрости. Да и не любит он здоровых людей. Думает, если сам болен, то и весь мир болен... Да-а, видно, зря я за «Каренину» взялся. А ведь и сам чувствовал: мелко. Для меня-то...

– Вот-вот, – подтвердил очкарик.

– Ладно... Что там еще пишут? Что за книги были у меня еще?

– Та-ак... «В восьмидесятые годы Толстой заметно охладевает к художественной работе и даже осуждает как «барскую забаву» свои прежние романы и повести. Он увлекся простым физическим трудом, пашет, шьет себе сапоги...»

– Молодец, – оживился граф, – всегда мечтал в глубине души...

– Да вот только непоследовательны вы, – перебил его юноша. – В девяносто девятом у вас опять вышел роман. «Воскресение»...

– Хороший?

– Да ничего, конечно. Вы же, Лев Николаевич, все-таки мастер... Я, правда, не читал, кино только видел... Конец там какой-то дурацкий...

– А герои кто?

– Проститутка. Маслова, по-моему, у нее фамилия. И еще какой-то барин...

– Омерзительно. Гадко. И как книжонку сию грязную публика встретила? Восторженно, небось? Как все низкое.

– Давайте, посмотрим... Та-ак... Вот. «Резкая критика церковных обрядов в «Воскресении» была одной из причин отлучения Толстого святейшим Синодом от православной церкви...»

– Отлучение? Неужели так?..

– Написано. Значит, точно...

– Если уж честно говорить, нам с Богом всегда было тесно, как двум медведям в одной берлоге... Но отлучение... Это, братцы, чересчур...

– Я вам про что и говорю, – проникновенно сказал пришелец, – не надо вам все это писать. Один у России великий писатель, и тот скурвился – про проститутку пишет, от церкви отлучается... Кому это надо? Какой вы пример народу подаете? Написали «Войну и мир» да и хватит. Хорошая книжка! Я читал. Честное слово, в восьмом классе... Там все что надо есть – и национальный характер, и национальная идея, и национальный оптимизм... Да всё!.. Не опешайте. Пашите землю, шейте сапоги. Может тогда и не будет у вас этих неприятностей в девятьсот десятом, и не побежите вы из дома, не замерзнете на станции...

– Может, мне и Соньку бросить, пока не поздно? – заговорчески наклонился граф к собеседнику.

– Ну, это вы уж сами решайте, Лев Николаевич. Тут я вам не советчик...

– Может, мне с духоборами в Америку махнуть? – всё так же искательно смотрел граф на гостя. – Они вроде собираются...

– Лев Николаевич, увольте. Не мне это решать.

– Да я не тебя, шельму, спрашиваю, – выпрямился граф, – я так, сам с собой... А ты-то уже, я так понимаю, скоро к себе, в будущее вернешься? Давеча пришли ко мне двое мужиков, один говорит: «Вот пришли незваны», а другой вторит: «Бог даст – уйдем не драны»... – Толстой по-детски захихикал, но тут же осадил себя и продолжил: – Уж не серчай на меня, что не гостеприимно принял...

– Да ладно, чего там, – засмутился пришелец. – Все нормально. Вы мне главное скажите. Не будете «Анну Каренину» писать?

– Да ни за что! Всё, хватит. Отписался.

– А «Воскресение»?

– Ни за какие коврижки! Еще чего не хватало! Церковь я, чего греха таить, недолюбиваю, но отлучаться не собираюсь... Жить буду в свое удовольствие... Про меня еще скажут: нашел в себе силы уйти в зените славы... И не унился до ее эксплуатации... – от удовольствия граф прищурился.

– Обязательно скажут, – подтвердил пришелец.

Толстой вздрогнул. Похоже, он и забыл о его присутствии.

– Сколько тебе тут осталось? – спросил. Гость глянул на часы:

– Одна минута.

– Ну и как там, в будущем?

– Нормально. Жить можно.

– А Россия как?

– Да... Так себе...

– Худо, – покачал головой Толстой. А в Бога-то веруют?

– По-всякому... Вот, дядька у меня, например...

Раздался легкий хлопок, и пришелец исчез. Внезапный ветер смахнул со стола бумажные листы и закружил их по комнате.

– Вот, значит, как... – Граф, кряхтя, поднялся, отпер дверь и крикнул:

– Софья!

– Слушаю, Левушка, – появилась та на пороге и настороженно заглянула в комнату. – А где ж твой гость странный?

– А-а... – неопределенно махнул рукой граф. – Вот что, свет мой. Будь так добра, собери весь этот мусор, – он указал на разбросанные по полу исписанные страницы. – Собери и сожги. Только сама. Не хочу, чтобы прислуга знала... А после – готовься к выезду. Едем сегодня в город. В оперу.

* * *

Одно время племянник Боба, студент филологического факультета денно и ночью торчал в студии «Russian Soft Star's Soul». Даже, помнится, по текстам наших песен писал курсовую. И вот как-то Петруччио заявил, что в отечественном роке сегодня нет такого мистического и мрачного, а главное концептуального, альбома, каким был «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band»⁵ «Битлз». И именно мы – «RSSS» можем дать его слушателю.

– Вы только представьте, – говорил он вдохновенно, – слушатель перестает быть слушателем, он становится соучастником, со-творцом...

– Какукавки! – восхищенно заметил племянник Боба.

Покосившись на него, Петруччио продолжил:

– Мы должны придумать новый мир, странный, неожиданный мир, и каждый выберет себе роль в этом мире, и все песни будут посвящены тем или иным взаимоотношениям этих персонажей, будут их иллюстрацией, выражением переживаний...

– Какукавки! – снова повторил племянник.

– Да какой такой, к собакам, Какукавки! – взорвался Петруччио. – Кто она такая, эта твоя Какукавка!

С перепугу студент втянул голову в плечи:

– Я говорю, «Как У Кафки», – старательно разделяя слова, пояснил он. – Как у писателя Кафки...

⁵ «Оркестр Одиноких Сердец Сержанта Пеппера». (англ.)

Мы долго хохотали по этому поводу, и с тех пор прозвали бедолагу Какукавкой.

... – Так что же он натворил? – спросил я Боба, опрокинув рюмку и занюхав рукавом.

– Неделю назад он попросился сюда, в сарай, к сессии готовиться, – сказал Боб, поглаживая Рыжего, который уже забрался на верстак. – Мол, тишина тут. Им там горы книг читать надо... Я и пустил, второй ключ для него смастерил. Я же не знал, что он во всем разберется... Вообще не думал, что полезет, он же гуманитарий...

– В чем разберется? Куда полезет?! – снова начал я злиться.

– В приставку мою, куда же еще? Сегодня подхожу к сараю, вижу, он изнутри закрыт. Значит, там, змееныш. Отпер ключом, зашел... Приставка включена, а Какукавки нет. – Голос Боба стал замогильным. – Тут я сразу все и понял.

Та-ак... Лично я, в отличие от Боба, так и не понял, в чем трагизм ситуации, но, что дело худо, осознал. Парень Какукавка неплохой, «вот только ссытся и глухой». Два года назад, например, он, чтобы похвастаться перед своими одноклассниками, скачал себе черновую версию готовящегося к выпуску третьего альбома «RSSS». Представьте наше разочарование, когда наши недоделанные песни зазвучали по всем каналам радио, а мы ни гроша от этого не получили...

От неминуемой гибели его спасло лишь то, что именно этот «сырой» альбом и принес нам настоящую славу. Два предыдущих – лишь локальную известность. Кто знает, доведи мы альбом до ума, стал бы он столь популярным? И мы его простили. И уговорили Боба остаться с нами, а то ведь он чувствовал себя настолько виноватым, что собирался покинуть группу.

– Объясни, что ты по этому поводу думаешь и хватит уже темнить, – попросил я Боба.

– Я что, темнил? – обиделся тот. – Чего тут непонятного?

– Мне ничего не понятно. Где Какукавка?

– В прошлом.

– То есть?

Боб встал, прошел в угол сарая и заглянул в монитор своей машины, по сети соединенной с нашим студийным нейрокомпьютером.

– Раз, два, три... – стал он тыкать по экрану пальцем. – Тут установлено последовательно шесть дат и мест. Прыгает из эпохи в эпоху, из страны в страну. В каждой – по часу. Если, конечно, все нормально получилось.

– А зачем?

– Я откуда знаю? В том-то и дело. Я и боюсь, как бы он там дров не наломал. Сам-то я ее даже испробовать побоялся: мало ли что может случиться... Кстати, последняя дата – тысяча восемьсот семьдесят пятый, Россия, Тульская область, Щекинский район, деревня Ясная Поляна... Что-то знакомое... Тебе это название что-то говорит?

– Толстой, – без напряжения вспомнил я.

И тут наш разговор прервался. Рыжий выгнул спину и зашипел. Хорошо, что Боб уже отошел от компьютера, потому что Какукавка материализовался прямо в том месте, где тот только что стоял.

3

– Попался, змееныш! – вскричал Боб, дернувшись к нему.

– Дядя! Дядя! Дядя! – завопил тот и юркнул мимо Боба в сторону выхода. – Я вам всё сейчас объясню!

Но тут уже я, вскочив со стула, закрыл собой дверь. И Какукавка в растерянности замер между нами.

– Что ты мне объяснишь?! – громыхнул Боб, медленно и грозно шагая в его сторону. – Где ты был?! Что ты там делал?!

– Я... Я знакомился с писателями, – пробормотал Какукавка, пятясь от Боба и спиной приближаясь ко мне. – Чтобы лучше подготовиться к экзаменам...

– Ты видел Толстого? – продолжал наступать Боб.

– Еще бы, конечно! Только что. Вот так, как вас. Классный старикан. Мы с ним отлично пообщались...

– Что у тебя в пакете?!

– Ничего особенного...

– Дай сюда, – потребовал я, так как Какукавка как раз приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки.

Он затравленно обернулся и послушно отдал мне пакет.

– Возьми у него и ключ, – скомандовал Боб.

– Вот он, – вздохнув, вручил мне Какукавка перемотанный изоляцией пульт от видеомангитфона.

– Сядь! – приказал ему Боб.

Я вытряхнул содержимое пакета на верстак. Несколько книг и тетрадка. Учебник истории литературы, том Шекспира, том Чехова, том какого-то Данте...

– Это еще кто? – спросил я Какукавку.

– Был такой. Итальянец, – неохотно отозвался тот.

– Что-то не слышал, – я полистал книгу со странным названием «Божественная комедия». – Ничего себе, комедия... – На старинных гравюрах, иллюстрирующих книгу, изображались самые разнообразные пытки и казни. – Глобальная книжица. Странно, что я о ней не слышал...

Листавший какукавкину тетрадку Боб поднял голову и, глядя на меня сумасшедшими глазами, спросил:

– А ты когда-нибудь слышал про пьесу Чехова «Чайка»?

– Нет, – помотал я головой. – Не было у него такой пьесы, я Чехова всего читал. Да и пошловатое как-то – «Чайка», как нашивка у матроса на груди...

– «Дядя Ваня»?

– Не-а.

– А роман Толстого «Анна Каренина» тебе знаком? – спросил Боб, и голос его становился все страшнее.

Я только снова помотал головой. Боб перелистнул ещё страничку:

– Томас Манн... «Иосиф и его братья», «Будденброки», «Доктор Фаустус»... Вычеркнуто всё...

– Не знаю такого писателя, – откликнулся я.

– Та-ак, – протянул Боб, а затем рывкнул на Какукавку так, что у меня зазвенело в ушах: – Говори! – и сунул ему под нос здоровенный волосатый кулак.

– Дядя, ну пожалуйста! – подпрыгнул тот. – Я только чуть-чуть не успевал. Только шесть авторов не полностью прочел... Я после сессии, через неделю, все верну на место!..

* * *

«Всё вернул на место» Какукавка не после сессии, а сразу. Как он это сделал, каков механизм, я не знаю. Потому что Боб отправил меня домой, точнее выставил вон, а сам остался с Какукавкой тет-а-тет. Разбираться. По-семейному.

Еще по дороге домой, греясь в такси, я вдруг вспомнил фразу: «Оставь надежду всяк сюда входящий». И вспомнил, что так было написано на воротах дантевского ада. Сейчас это можно было бы написать на дверях бобовского сарая... Отчетливо вспомнил я и «Чайку», и

«Дядю Ваню». Вспомнил, что «Анна Каренина бросилась под поезд, который долго влачил ее существование...» Вспомнил и Томаса Манна. Бр-р... Лучше бы его Какукавка не возвращал.

...И мы не говорили с Бобом об этом случае целую неделю. Но вот, сегодня, он снова позвонил мне. Рожа на стереозкране – мрачнее тучи.

– Змееныш-то мой сессию завалил, – сообщил он, и не ясно было – то ли с сожалением, то ли, наоборот, с удовлетворением.

– Очень жаль, – откликнулся я, хотя на самом деле подумал злорадно: «И поделом тебе, Какукавка».

– Ни хера не жаль, – возразил Боб моим словам, соглашаясь, в то же время, с мыслями, словно их слышал. – Зашел ко мне, сказал, что завалил, помялся, помялся чего-то и ушел. И тетрадку свою, как будто бы случайно, оставил. Или правда – случайно... Знать бы это!

– И что? – спросил я, предчувствуя неладное.

– Я ее полистал, тетрадку эту. А в конце, на последней странице, список какой-то. В столбик. То ли я его не заметил в прошлый раз, то ли его тогда не было...

– Не томи, читай, – взмолился я, ощущая на спине легкий холодок.

– Ну, слушай, – Боб вздохнул. – Читаю. Гомер «Месть циклопа». Шекспир «Гамлет жив», «Гамлет возвращается»...

– Бред какой-то! – воскликнул я.

– Ты никогда не слышал об этих произведениях? – оторвался от тетрадки Боб и тяжело на меня посмотрел. – Я тоже. Кстати, все они зачеркнуты...

– Да это он просто мстит! Воду мутит, чтобы мы помучились!

– Возможно, – кивнул Боб. – Ладно. Слушай дальше. Шекспир «Дездемона: ответный удар».

– Да он издевается над нами! Не могли они такое писать!

– Ты уверен?... Дальше. Чехов «Сливовый сад»...

– Что ты хочешь сказать? – снова перебил я. – Что надо его опять отправить в прошлое, чтобы он заставил их писать весь этот бред собачий?!

– Я это как раз у тебя хотел спросить.

– Но почему у меня?!

– Ну-у... Ты хоть и ритм-басист, а самый из нас начитанный.

– Это не повод. Уволь. Я не хочу брать на себя такую ответственность.

– Струсил, – покачал головой Боб с обидным пониманием, почти жалостью, в голосе и продолжил чтение: – Чехов «Тётя Маня»...

– Ты машину времени разобрал свою? – спросил я с надеждой.

– Подшаманить можно, – заверил Боб.

– Слушай, а с какой стати эти названия у него отдельно записаны?! – внезапно сообразил я и ухватился за эту мысль, как за соломинку.

– Этот столбик сверху озаглавлен «Факультатив», – отобрал у меня соломинку Боб. – Дальше слушай. Чехов «Четыре брата».

– Он говорил, «шесть авторов»! – пришла мне в голову очередная спасительная мысль.

– Шесть и выходит, – остудил меня Боб. – Вот последний. Лев Толстой: «Понедельник» и «Вторник». Всё. – Боб захлопнул тетрадь. – Что делать будем?

Боб испытующе смотрел на меня.

– Знаешь, что... – сказал я. – И хрен с ними. Даже если были.

Ре Дети, женщины и звери

«Группиз – это как вредное лекарство, – много раз говаривал мне наш мелодист Пиоттух-Пилецкий. – Необходимое зло. С одной стороны, дома из-за них вечно побаливает совесть, с другой, – на гастролях без них не обойтись». Он играл во многих группах, исколесил с ними весь мир, да и жизненный опыт у него значительно больше моего. И все-таки лично я искренне надеялся, что у меня-то подобной проблемы не возникнет. Ведь кроме Кристины мне никто не нужен...

Надеялся.

Но покажите мне мужчину, который, проведя несколько недель вдали от жены, откажется переспать с симпатичной девушкой, которая сама ему это предлагает. Да еще и не просит ничего взамен? Так сказать, «чисто из уважения». Покажите, я хочу посмотреть на этого уникама и пощупать его спину: не пробиваются ли там крылышки? И лоб: не перегрелся ли?

Мы, «Russian Soft Star's Soul», возвращались из своего первого мирового турне, и, хотя все и прошло более чем великолепно, под ложечкой, где у меня, по-видимому, располагается совесть, слегка посасывало. Смогу ли я вести себя с Кристиной как ни в чем не бывало? А если и смогу, будет ли все так, как было раньше? Или уж лучше рассказать ей все, как есть, и будь, что будет? Объяснить, что коротко, под мальчика, стриженная девушка по имени Скуле, которая прибилась к нам в Осло и исчезла в Стокгольме, не значит для меня ровно ничего, что она лишь помогла мне сохранять форму...

В конце концов, не может же причиной ревности стать мастурбация. А спать с группиз – это практически то же самое...

Поймав себя на вранье, я мучительно перевернулся на полке купе с боку на бок. Кого я хочу обмануть? Себя? Не-ет, это совсем не то же самое. У меня ведь, например, до сих пор ёкает сердце, когда я вспоминаю веснушки на плечах у Скуле... И это ощущение, когда проводишь ладонью по ее коротеньким волосам... Опять же, разве я не звал Кристину с собой? Звал, даже уговаривал, но она заладила: «Показ, показ, ответственный показ...» Если бы она любила меня, она наплевала бы на все эти показы.

Мы женаты уже полгода, но еще так ни разу и не выбирались вместе за пределы нашего чертова мегаполиса. А был такой шанс! Лондон, Париж, Нью-Йорк, Торонто, Токио... И все за счет фирмы. Если бы Кристина любила меня... Или я сваливаю с больной головы на здоровую? Придумываю себе оправдание? Ведь я прекрасно знаю, что она любит меня. Но у нее – своя жизнь, свои дела, своя карьера, свое честолюбие... А у группиз нет ничего своего, они растворяются в своих кумирах.

«Вот и женился бы на одной из них!» – зазвучал у меня в голове расстроенный, просто убитый, голос Кристины. Как будто бы я уже раскололся, и теперь мы с ней скандалим. Я потряс головой. Господи, как все было хорошо до этой поездки... Впрочем, если отбросить эту историю, поездка была великолепна, вот хотя бы... Перед моим внутренним взором вновь упрямо встали нидерландские веснушки, и меня тут же пронзило такое острое чувство вины, что лучше бы уж я слушал, как бранится моя внутренняя Кристина...

От дурных мыслей меня отвлек все тот же Пиоттух-Пилецкий, который, как и я, смотрел в окно, но, в отличие от меня, что-то в нем видел:

– Все-таки хорошо, что мы родились в середине двадцать первого века, – сказал он.

– Почему? – свесившись с полки, поинтересовался я, хотя, в принципе, с ним и согласен.

Но он на десять лет старше меня, и мне хотелось услышать его версию. Поглощенный невеселыми размышлениями я и не заметил, что мы не движемся, а стоим на какой-то станции.

– Потому что конец двадцатого – начало двадцать первого были периодом научно-технической стагнации, – пояснил свою мысль мой собеседник. – Я, например, еще застал время, когда поезда ездили по рельсам на колесах.

«Даже не верится, – подумал я, хотя и знал это из учебников. – Сколько было движущихся, трущихся друг о друга деталей, сколько бессмысленных потерь энергии...»

– На самом деле именно для того железные дороги и прокладывали, – продолжал мелодист. – Это потом, уже на моей памяти, обнаружилось, что рельсы – идеальный стержень для гравитационного модуля, и поезда взлетели.

Кто не знает, «мелодистом» в современных группах называют исполнителя мелодических партий. Обычно он играет на полисинтезаторе, но иногда и на древних классических инструментах. Это считается хорошим тоном. Пиоттук-Пилецкий, например, владеет еще соло-гитарой, терменвоксом и виолончелью. Так что прозвище «Пила» он получил отнюдь не только благодаря звучанию фамилии.

Однако, будучи суперпрофи, он, в отличие от меня, уже пережил свой период беззаветной влюбленности в музыку и музицирование, и больше всего его теперь интересуют судьбы мира и технический прогресс. С нашим мастером «золотые руки» Бобом он может говорить на эти темы часами.

– А ты в курсе, что научно-техническая стагнация имела искусственную природу? – продолжал Пила, теребя в руках цепочку на шее, на которой почему-то вместо крестика болтался какой-то ключик. – Сейчас говорят «ННТР», «ННТР» – «Новая Научно Техническая Революция»... А на самом деле это все та же НТР, которая случилась в середине двадцатого века. Но тогда ее слегка придушили. Почти на сто лет.

– Кто придушил? – спросил я. Сугубо из вежливости. На самом деле тема разговора не вызывала у меня особенного интереса. Хотя и отвлекала, спасибо ей.

– Многие, – отозвался Пила. – Разработку дешевых нейрокомпьютеров сдерживала IBM, экомобили не шли в производство под давлением нефтяных гигантов, и даже информация об их изобретении была засекречена. Работы с антигравитацией контролировались и саботировались NASA, а генная инженерия и клонирование по наущению медиков и юристов запрещались правительствами всех стран «по этическим причинам»...

Что-то снова не верится. Какая разница государству, как его граждане размножаются? Лишь бы размножались. Ну, хочет кто-то воспитывать ребенка, как две капли воды похожего на его любимую кинозвезду или спортсмена, почему бы и не разрешить, если технически это возможно?..

Хотя, кое-какие этические, точнее даже юридические, недоразумения в этой сфере сохранились до сих пор. Я вспомнил дешевый разноцветный рекламный проспектик «Дети на любой вкус», найденный в номере голландской гостиницы. Не такой, конечно, обширный, как в лицензированных центрах клонирования, а включавший в себя лишь пару-тройку десятков самых ходовых моделей. Чемпион мира по баскетболу Леон Джавар-Заде, сериальная актриса Джессика Аллен, наша поп-дива Слава-Ярослава, модный кутюрье Стив Ньюмэн и тому подобная шантрапа.

Остается только удивляться, что кто-то покупается на эту дешевку. А потом, лет этак через пять-шесть в каждый первый класс каждой российской школы явится лишь две-три уникальные особи, зато с ними – пяток маленьких Львов-Леонов, пяток Джессик, десяток Слав и пара-тройка Стивен-Стёп... Почти уверенно можно сказать, что люди, у которых хватает ума заказать себе этих дешевых нелегальных клонов, не пожелают и дать им хотя бы другие имена.

Брр... Позже, лежа на животах и болтая ногами, мы рассматривали этот проспект со Скуле, и она сказала мне на ломаном, до предела упрощенном английском, на котором мы с

ней и общались (и нам хватало): «I don't like this children. I want to have your child...»⁶ Приятно это слышать мне было чертовски, хотя тогда я и подумал, что это она врет специально для моего удовольствия. Вряд ли «RSSS» – единственная команда, по которой она фанатеет и с которой, соответственно, спит.

Однако, уже в Стокгольме, она сказала мне на обеде в ресторане: «Doctor said, I'll bring you child. It's boy»⁷. Да, сейчас пол ребенка можно определить чуть ли не в момент зачатия. Я замер с ложкой возле открытого рта, а она засмеялась, встала из-за стола и пошла к выходу. И больше я ее не видел. Возможно, эти слова были ее прощанием. Или она все наврала? Просто так. Для эффективности.

...Вагон вздрогнул, перрон поплыл вниз и назад. Поднявшись на свою стандартную трехметровую высоту, поезд почти бесшумно набирал скорость... Я и не заметил, как Пила, по-видимому, обнаруживший мое полное безразличие к беседе, завалился, как и я, на полку и уже удовлетворенно похрапывает. Стану ли я когда-нибудь так же, как он, безразлично относиться к собственным изменам? Или я все-таки возьмусь за ум, и больше это не повторится?

Ладно. Время и впрямь позднее, завтра буду дома, встречу с Кристиной, там и видно будет.

Я перевернулся обратно носом к стенке и закрыл глаза. Только бы заснуть. Только бы не мешала эта... Да что я, право слово, веснушек не видел, что ли?! Да и не в них вовсе дело.

* * *

Я и ожидать не мог, что совесть моя очистится прямо в момент встречи с Кристиной. Потому что первым, что она выпалила мне на перроне, было:

– Милый, я поняла: чтобы мне не скучать, когда ты уезжаешь на гастроли, мы должны срочно завести ребенка. – Не дав мне опомниться, она продолжила: – Я уже присмотрела подходящую модель. Это будет Стив Ньюмэн.

Вот так-так... На миг меня охватила горечь, но тут же и отпустила, сменившись резонной мыслью: «Вот и ладно. Это все искупает. Да, обидно, что она не хочет, чтобы биологическим отцом ее ребенка был я. Но она отказывается и от собственного биологического материнства. В то же время, возможно, и впрямь где-то в Скандинавии скоро родится мой конопатый незаконнорожденный сын. Так почему бы мне не взять на воспитание вполне законного Степу Новочеловекова?»

– Не надо упрямяться, – проследив за чередой мимических изменений на моем лице, сказала Кристина, – но я и не тороплю. Это довольно дорого, к тому же ты должен привыкнуть к этой идее.

– То есть за ребенком мы пойдем не сегодня? – заставив себя улыбнуться, спросил я и поднял руку, ловя такси.

– Не сегодня, – без тени иронии кивнула Кристина. – Завтра. А сегодня мы идем на показ зверей. Прямо сейчас.

– В зоопарк? – удивился я. Экомобиль притормозил перед нами, и его дверца приглашающе распахнулась.

– Да нет же, – передернула она плечиками, – я ведь сказала тебе: на показ.

...Мы прибыли в один из самых модных сегодня богемных клубов столицы «Слепой невидимка». Меня всегда умиляло это название. На первый взгляд такое сочетание кажется парадоксальным, на самом же деле, если вдуматься, ничего странного в нем нет. Ведь зрение

⁶ «Мне не нравятся эти дети. Я хочу иметь ребенка от тебя» (англ.)

⁷ «Врач сказал, я принесу тебе ребенка. Это мальчик» (англ.)

основано на отражении света о сетчатку глаза. А если сетчатка невидима, то есть, прозрачна, то и отражать она не может. Видеть такой глаз не будет. А значит, невидимка обречен на слепоту...

По залу, раскланиваясь друг перед другом и дегустируя коктейли, расхаживали светские львы под руку с супермоделями. Я не знал из этой компании никого, однако, пару раз взгляд наткнулся на, вроде бы, знакомые лица. Но я не мог вспомнить, что это за люди, и откуда я с ними знаком. Потому лишь беспомощно улыбался и еле заметно кивал. Но оба раза, скользнув по мне безразличным взглядом, «знакомцы» отводили его от меня и, увидев рядом со мной Кристину, здоровались с ней. Затем она шептала мне на ухо, что это – известный телеведущий такой-то, и видел я его по телевизору.

Кристина, надо отметить, знала тут почти всех, и почти все, соответственно, знали ее. Это был ее мир – мир моды, мир, где правят чародеи-кутюрье, живых женщин превращающие в зомби-модели. Впрочем, это я злобствую для красного словца. А мне это вовсе не к лицу, ведь из всех присутствующих здесь моделей Кристина была, пожалуй, самой обворожительной.

В результате этой прогулки перед началом главного действия я был представлен минимум двум десяткам человек и не запомнил ни одного из них. Но вот прозвучал мелодичная трель, приглашающая гостей пройти в зрительный зал.

Когда публика расселась, зал плавно погрузился в кромешную тьму, заиграла томная симфоническая музыка, и вспыхнули прожектора освещающие подиум. Там, шуря от яркого света желтые глаза и ошестинившись, стояла пантера. Я почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы. Между зверем и зрителями не было ни решетки, ни стекла, ни дымки силового поля.

– Черная пантера, первый номер нашей коллекции, – раздался жеманный голос комментатора. – Черной пантерой обычно называют темноокрашенного леопарда, встречающегося в Юго-Восточной Азии. Обратите внимание на изумительный окрас шерсти этого восхитительного существа.

Грациозно потянувшись и мягко переступив с лапы на лапу, пантера повернулась боком, а затем медленно, словно в полусне, прошла по подиуму взад и вперед.

– Казалось бы, абсолютно черная шерсть пантеры, – продолжал комментатор, – покрыта еще более темными пятнами, словно бы крупными веснушками, какие бывают на теле северных женщин.

Зря он это сказал.

– Пантера – кошка, которая гуляет сама по себе, пантера – деловая самка, пантера – хозяйка джунглей, никому не позволяющая безнаказанно вторгаться на ее территорию.

В этот момент из-за кулис на противоположную сторону подиума выскочило некое, явно травоядное, животное и испуганно уставилось на хищника. Музыка стала напряженнее и резче. Пантера издала угрожающий рык и приготовилась к прыжку.

– Второй номер нашей коллекции – лань! – вскричал комментатор восторженно. – Парнокопытное животное из семейства оленей. На голове у самца лани имеются лопатообразные расширяющиеся рога, длиной до полутора метров! Однако перед нами, а что значительно хуже – перед пантерой – самка, беззащитная самка, хотя и сумевшая наставить рога своему самцу. Еще бы, ведь она изящна и обворожительна, кто посмеет мне возразить? Темно-коричневый окрас шерсти и светлый – подшерстка, сочетаясь, производят удивительное ощущение гармонии и покоя. А главное – глаза, эти пугливые глаза лани, не они ли так привлекают к их хозяйке самцов и хищников?

Пантера зарычала вновь, но лань, боязливо подрагивая тонкими ногами, неожиданно двинулась прямо к ней. Тогда пантера, прижавшись к полу, заскользила ей навстречу. И вот они поравнялись друг с другом... Но ничего не произошло. Они вновь разошлись, а затем, шагая в такт музыке, прошли по кругу, друг против друга. После этого, опять сойдясь, они

повернулись к публике задом и, синхронно покачивая бедрами, удалились за кулисы. Настоящее дефиле!

– Не правда ли, трудно решить, кто из них привлекательнее, хищница или тихоня?! – очнулся комментатор. – Проводим же их достойно!

Зал взорвался аплодисментами.

– Дикие лани, сохранившиеся в Южном Иране, – стараясь перекрыть шум, продолжал комментатор, – находятся под угрозой исчезновения. Часть суммы, вырученной от сегодняшнего показа будет направлена на восстановление их поголовья.

– Классно! – повернулся я к Кристине. – Кто их так выдрессировал?

– Дурак ты, – сказала она, – это же модели. Они показами зарабатывают. Демонстрируют себя. Как я. Они умные.

Но уточнить, что все это значит, я не успел, потому что на подиум выскочило сразу несколько каких-то маленьких зверьков. Чтобы разглядеть их, зрители начали было приподниматься с мест, но тут над сценой вспыхнул огромный экран, на котором то, что происходит на ней было видно в многократном увеличении.

– Бурундуки! – вскричал комментатор с такой интонацией, как будто бы именно бурундуки доставляли ему в жизни наивысшее наслаждение, – род млекопитающих семейства беличьих. Длина тела до семнадцати сантиметров, длина хвоста – до двенадцати сантиметров.

Зверьки, тем временем резвились на подиуме, устроив под музыку нечто среднее между чехардой и танцем.

– Обратите внимание, на спине у бурундуков имеется пять продольных черных или темно-бурых полос. Ушки по сравнению с белкой небольшие, слабо опушенные. Хвост с густыми длинными волосами, но не округлой, а уплощенной формы. Шерстка короткая, жестковатая. Характерны вместительные защечные мешки.

В природе этот скромняга ведет наземный образ жизни, но в минуты опасности прекрасно взбирается на деревья. Питается орехами, создавая в своих подземных кладовых запасы до восьми килограммов, а также семенами, ягодами, нередко и насекомыми, зеленью трав и кустарников.

Даже в природных условиях эти полосатые красавцы крайне шаловливы, любопытны и доверчивы к людям. Однако люди, как это не странно, в нашем показе участия не принимают. – В зале раздались смешки. – Давайте же представим, как повели бы себя бурундуки, случись им встретиться с очередной нашей моделью – большой китайской пандой, млекопитающим семейства енотовых, чаще называемым «бамбуковым медведем»!

На сцену, чуть переваливаясь с боку на бок, выбежал объявленный комментатором черно-белый зверь, посередине подиума он поднялся на задние лапы, а затем уселся, потешно отмахиваясь от бурундуков, которые принялись перескакивать через него...

Я огляделся. Публика умилялась. Я уже понял, что передо мной вовсе не звери в привычном понимании этого слова, а существа, сконструированные с помощью генной инженерии. Мне стало неинтересно. Однако Кристина смотрела во все глаза, и я молча терпел. Кроме вышеперечисленных перед нами выступили орангутан, три страуса, два верблюда, зеленая черепаха, толпа лемуров, нильский крокодил, барсук и лошадь Пржевальского. Ее ржанием показ и закончился.

– По-моему, это ужасно, – заявил я, покинув «Слепую невидимку» и уже сидя в автомобиле.

– А по-моему, прекрасно, – возразила Кристина.

– Но это же противоестественно!

– Ничуть не более противоестественно, чем, например, выводить новые породы кошек или собак.

– Но эти животные не смогут жить на свободе.

– Ни одно животное, родившееся в зоопарке, не сможет жить на свободе. А эти и не захотят.

– Их сделали разумными без их ведома. Может быть, им это не нравится?

– Они родились такими. Нас всех сделали без нашего ведома, и никто нас не спрашивал, нравится нам это или нет.

– Но они вынуждены работать.

– Ничего подобного! Никто их не вынуждает. Они работают по собственному желанию. А вот в цирках дрессировщики действительно заставляют животных работать. Бьют их, пугают, морят голодом, унижают их достоинство мелкими подачками! А в зоопарках красота животных эксплуатируется людьми. Кому платят зрители в зоопарках? Животным?

– Можно подумать, эта коллекция моделей принадлежит не человеку! Кто ими руководит?

– Пингвин! – рявкнула вконец обозленная Кристина.

– Кто? – не поверил я своим ушам.

– Пингвин! – повторила она.

– Какой еще пингвин?!

– Галапагосский!

«Хорошо, хоть не осел», – пробормотал я себе под нос, уже ничему не удивляясь, и всю остальную дорогу к дому мы провели в тяжелом молчании.

* * *

Но помирились мы довольно быстро. В конце концов, меня полтора месяца не было дома. Мы пили красное вино и ели какие-то вкусности, приготовленные Кристиной к моему приезду. (После того, что с нами стряслось перед самой свадьбой, мы с ней оба не признаем Дистанционно Управляемые Разумные дома, так что готовит она сама, чему я рад несказанно). Я рассказывал ей о своей замечательной поездке, кое о чем, конечно же, умалчивая, а потом мы любили друг друга. Так что нам было не до ссор.

...Утро выдалось не из самых приятных. Похоже, я все-таки слегка вчера перебрал. Так что вместо настоящей я сделал виртуальную зарядку. Если не знаете, что это такое, объясняю. Это такая специальная программа, благодаря которой моя голографическая копия в натуральную величину подчиняется моим командам. Я валяюсь на диване и приказываю:

– Тридцать раз отжаться!

И я-виртуальный отжимается.

– Сорок раз присесть!

И он (в смысле я) приседает.

На самом деле очень даже взбадривает. Не так конечно, как если бы я занимался на самом деле, но лучше, чем вообще никак. Чисто психологически. Появляется нечто вроде чувства выполненного долга. А то, что было вялостью, теперь кажется усталостью... Да и Кристине хоть какой-то партнер был, она-то чувствовала себя прекрасно и зарядку делала по-настоящему.

Позавтракав, мы, как и договорились вчера, собрались в самый роскошный коммерческий центр планирования семьи под названием «Амур, плюс» заказывать себе «Степу Ново-человекова». И впрямь, чего голову ломать: раз оригинал зовется Стивом, пусть и пацан будет Степой.

– Кстати, – спросил я, одеваясь, – а что это стоит?

– Тысяч триста, – как ни в чем не бывало, отозвалась Кристина.

– Баксов? – уточнил я, присаживаясь, чтобы не упасть, на диван. Я уже чувствовал, что именно баксов.

– Не рублей же, – пожала она плечами. – Это же все-таки человек. Ребенок. Наше будущее.

– Но, милая моя, это несколько больше, чем я заработал за весь тур... Я музыкант, а не банкир...

– Откроем кредит. Ты – популярный музыкант. Это что, твои последние гастроли? Ну, ты будешь собираться или нет?

Тут только я понял тех лохов, что покупаются на дешевые проспекты подпольных клон-фирм, разбрасываемые в номерах гостиниц. Цены, помнится, там были ниже на порядок.

– Ты знаешь, а ведь можно точно такого же ребенка купить в другом месте... – начал, было, я.

– Паленого?! – возмутилась Кристина. – Да ты в своем уме? От паленого клона можно ожидать всего, что угодно! Ты хочешь, чтобы я родила монстра? Или калеку? Мы ведь не можем отследить, как проводилось клонирование, не повредили ли они чего, не занесли ли какую-нибудь заразу. Да даже если все сделано нормально, качество все равно не гарантировано. Мало ли что Стив Ньюмен – гений, а вдруг у него были какие-то генетические заболевания, которые не проснулись в течение его жизни по чистой случайности? Настоящая фирма все проверяет и злокачественные гены исправляет, а твои кустари ничего не проверяют.

Так-то оно так... Но триста тысяч... А я-то рассчитывал, что мы приобретем... Да мало ли на что я рассчитывал, какая теперь разница?! Я поплелся за Кристиной к выходу, и тут она вновь меня огорошила.

– Знаешь, – сказала она, – вообще-то я согласна. Это для нас дороговато. Да и все-таки, по-моему, будет неправильно, если мы будем воспитывать Стива Ньюмена, который никакого биологического отношения к нам не имеет. Может быть, пусть лучше меня оплодотворят его сперматозоидом? Тогда это будет уже наполовину он, а наполовину я. И, насколько я знаю, это раза в три дешевле.

О боги! Какие еще унижения предстоит мне перенести, как плату за неверность?! Не будь этой веснушчатой скандинавской дуры, я бы сейчас закатил такой скандал, что Кристина и думать бы забыла обо всех этих новомодных способах зачатия. Теперь же я вновь проглотил обиду, потому что понял, что у меня язык не повернется обвинить ее в некоей завуалированной форме адюльтера... Так что я промолчал, и мы, наконец, выбрались из дому.

... Холеный клерк из «Амура +» взял с нас подписку о неразглашении врачебной тайны, зачитал нам наши права, обязанности, пригрозил уголовной ответственностью и лишь после всего этого сказал:

– К сожалению, в данный момент образцов семени от Стива Ньюмена у нас нет. Спрос очень высок, и вам придется записаться на очередь.

– И сколько ждать? – спросил я, делая хотя бы вид, что вся эта затея мне нравится, и именно я ее инициатор.

– Думаю, месяц-полтора. Но лично я советовал бы вам подумать. Может быть, стоит заказать кого-то другого? Выбор огромен.

– Например? – продолжал хорохориться я.

– Повторяю. Выбор огромен. Назовите мне имя известного в мире человека, перед которым вы приклоняетесь, и девяносто девять процентов из ста, что его семя есть у нас.

– Никто, кроме Стива Ньюмена нам не нужен, – холодно заявила Кристина.

– Поверьте мне, я уже не первый год работаю здесь и видел много раз, как женщины приходили сюда с намерением зачать от одного семени, а уходили абсолютно счастливые, оплодотворенные совсем другим.

– Нам нужен только Стив Ньюмен, – упрямо повторила Кристина.

– А вы что скажете? – повернулся клерк ко мне. – Кто вы по профессии?

– Музыкант, – ответил я, пожимая плечами. – При чем здесь это?
– Классика, эстрада или авангард?
– Скорее, эстрада.
– Может быть, вас заинтересует ребенок от Пола Маккартни?
– Бред. Его давным-давно нет в живых. Какая-то подделка.
– Подделка?! – оскорбился клерк. – Вы что, никогда не слышали о том, что сперма стала храниться в банках с середины двадцатого века?!

Я представил себе множество больших, по-видимому, трехлитровых, стеклянных банок, и мне стало дурно. Но я тут же сообразил, что речь идет о других банках – о хранилищах, и отозвался:

– Слышал. Но, я думал, сперму сдавали тогда лишь анонимные доноры, и ей оплодотворяли женщин, мужа которых были бесплодны...

– Отнюдь. Хотя анонимные доноры есть и сейчас, но и покупка семени у выдающихся людей практиковалась уже в прошлом веке. Однако тогда она хранилась без движения. На всякий случай, до поры. Несовершенство законодательства не позволяло пустить ее в дело. Сейчас этот недостаток преодолен. Ведь практика зачатия от талантливых в какой-либо области людей оздоравливает нацию, да и человечество в целом.

Естественный отбор в нашем обществе уже давно не происходит, и выживают все – и больные, и хилые, и глупые; и все норовят размножаться, – говоря это, клерк так пронзительно смотрел на меня, что я отвел глаза. – Но если семя самых умных, самых сильных, самых смелых мужчин будет оплодотворять значительно большее количество женщин, чем семя рядовых особей, ситуация уравнивается.

– Я всё это знаю... – почему-то чувствуя себя виноватым, начал я.

– Но вы не знали, что в наличии у нас имеется семя великих людей прошлого столетия, – не дал он мне закончить. – Ничего страшного. Вполне простительное невежество.

– А как все это сохранилось? – стараясь не замечать его оскорбительного тона, спросил я, – и почему не кончилось? Что, желающих мало?

– Отнюдь, – покачал головой клерк. – Желающих много. Но ведь для зачатия по современной технологии нужен один единственный сперматозоид. А вы знаете, сколько их в одной капле? Что касается сохранности, то это дело техники. Определенная температура, определенная среда...

– Кто у вас еще есть? – вдруг любопытствовала Кристина так, словно разговаривала на рынке с торговкой редиски. – Поинтереснее?

– Поинтереснее?

– Да, я подумала, что, вообще-то двадцатый век – это экзотично.

– Вот как? Что ж, у нас есть все нобелевские лауреаты, начиная с семидесятых годов прошлого столетия, а так же актеры, спортсмены, политики...

– А вы нам что порекомендуете? – прервала его Кристина. Да что она, в самом деле, с ума сошла, что ли?!

– Я, вам?.. – клерк как-то по особенному посмотрел на нее, и мне сразу захотелось набить ему морду.

– Вас интересуют заграничные образцы или отечественные? Согласно программе оздоровления нации, тридцать процентов от цены отечественных образцов оплачивает государство.

– Дело не в цене, – заявила Кристина, и я заметил, что она слегка порозовела.

– В таком случае, мне кажется, – вновь оглядывая ее с ног до головы, сказал клерк, – вам подойдет Шварценеггер.

Это еще что за зверь?

– Покажите, – попросила Кристина, и в голосе ее так явственно прозвучали кокетливые нотки, как будто клерк предлагал ей собственную сперму. И не в пробирке, а так сказать,

в естественном сосуде. Да, даже если и в пробирке... Интересно, не случаются ли тут такие инциденты? Отличный заголовок в желтой газетке: «Маньяк подменил сперму Наполеона собственной»... Нет, при Наполеоне всей этой ерунды точно еще не было...

Тем временем клерк подал Кристине раскрытый каталог.

– Шварценеггер, – повторил он.

Я заглянул ей через плечо. Лучше бы я не заглядывал. Ужас.

– И кто он был? – спросила Кристина.

– Звезда Голливуда. Вот, тут написано. Славу ему принесла главная роль в фильме «Терминатор».

«Странные же вкусы были у наших предков», – подумал я. И тут же, не веря своим ушам, услышал Кристину:

– Миленький.

– Может все-таки лучше Маккартни? – поспешно спросил я. Мне вдруг стала нравиться эта идея. А то еще выберет этого... Терминатора.

– Хватит в семье одного музыканта, – отрезала Кристина.

– Тогда, может быть, все-таки, подождем Стива Ньюмена?

Как ни странно, мои слова оказали на Кристину некоторое положительное воздействие.

– Мы не хотели бы принимать скоропалительных решений, – сказала она клерку. – Хотелось бы просмотреть ваш каталог на досуге, хорошенько подумать...

– Это лишь один из нескольких сотен томов, – мягко улыбаясь сказал клерк так, как говорят с маленькими детьми.

– Но-о, – начала, было, Кристина, нахмурившись, однако клерк опередил ее.

– Вся информацию вы можете получить на нашем сайте.

– Я заходила туда. Никаких каталогов там нет. Ни моделей, ни цен...

– Теперь есть, – хитро усмехнулся клерк. – Вы же дали подписку. Вы стали нашими официальными клиентами. Не забывайте об этом.

* * *

Выходя из центра планирования семьи, я испытывал некоторое облегчение. Понятно, что эпопея не закончена... И все-таки Кристина выразилась очень точно: не стоит принимать скоропалительных решений.

В арке по пути к Измайловскому шоссе нас окликнул симпатичный парнишка лет семнадцати на вид. Мы остановились.

– Пожалуйста, извините, – сказал он, подойдя к нам, – вы ведь из «Амура»?

Я кивнул.

– Вы хотели получить клона или обращались в банк?

– Мы дали подписку о неразглашении, – чопорно сказала Кристина, поворачиваясь к нему спиной.

– Я не сделаю вам ничего дурного! – воскликнул парень и ухватил меня за рукав. – Я больше не спрошу у вас ничего! Честное слово! Просто, если вы обращались в банк, то у нас есть то, чего нет у них. Временно или совсем. Всего несколько имен, но зато каких! Товар, так сказать, штучный.

– Например? – сменила Кристина гнев на милость. Ее любопытство когда-нибудь ее погубит.

Парнишка, не заглядывая ни в какие шпаргалки, перечислил два десятка имен действительно самых модных сегодня мужчин. В том числе и Стива Ньюмена.

– Есть так же и сверхновое поступление из Стокгольма, – добавил он под конец. – Ритм-басист из «RSSS».

– Кто-кто? – не поверила ушам Кристина, а я почувствовал, что краснею до корней волос. Проклятая скандинавская сучка!

– «RSSS» – супермодная группа! – пояснил юный коммивояжер.

– А почему из Стокгольма? – продолжала допрашивать его Кристина, – он же наш, русский. – И, глянув на меня тяжелым взглядом, добавила: – Добрый молодец.

– Сейчас они находятся в мировом турне, – пояснил добрый мальчик, – и предлагаемые образцы нашему агенту удалось получить именно в Стокгольме.

– Понятно, – сказала Кристина, и я услышал, что ей действительно все понятно. – И сколько же вы хотите за это сокровище?

– Всего шестьдесят тысяч! – радостно сообщил юноша. – Причем, сразу вы вносите только залог – треть суммы, а остальное платите после родов, проведя генетическое тестирование и убедившись, что вам не подсунили фуфлю. Тестирование за наш счет.

– Не дорого, – кивнула головой Кристина и вновь бросила на меня долгий, тяжелый взгляд.

– Видите ли, большая часть цены в легальном банке составляют налоги. А мы налогов не платим. Но ведь мы и рискуем...

– Конечно, конечно, – кивнула Кристина. – А сколько, если не секрет, стоят у вас образцы от Стива Ньюмена?

– Тридцать тысяч, – отозвался тот.

– Как? – тут уже она по-настоящему удивилась. – В два раза дешевле?!

– Стокгольмские образцы самые дорогие. Честно говоря, я даже не уверен, был ли с донором подписан договор... А Ньюмен, видите ли, настолько ходовой товар... Он есть везде. Если вы не в курсе, именно донорство спермы уже много лет является основной статьей его дохода, а модой он занимается только так, для саморекламы...

– Понятно, – оборвала Кристина. – Ладно. Мы подумаем. Где вас найти?

– Видите ли, я не могу оставить вам свои координаты. Вот если это сделаете вы, я позволю вам тогда, когда вы скажете.

– Оставь ему свои координаты, – скомандовала Кристина.

– Пойдем, – потянул я ее за локоть, – перестань...

– Диктуй координаты! – буквально прорычала она.

Вздохнув, я продиктовал... Юноша удивленно поднял взгляд от записной книжки, пригладился... И тут же, пробормотав что-то нечленораздельное, почти бегом выскочил из-под арки.

* * *

Она ни о чем меня не спрашивала. Она вообще не разговаривала со мной четверо суток. И вид у нее все время был такой, как будто бы она что-то непрерывно и напряженно обдумывает. Я, стараясь пореже попадаться ей на глаза, дни напролет пропадал в студии. Тем более, что мы принялись срочно наработать новый материал. Слишком много групп сгорало после первых «звёздных» гастролей: сперва катались, потом отсыхали, новых хитов нет, интерес публики падает, и если кто-то успеет в ее головах занять твою нишу, то процесс этот может оказаться необратимым.

Рассказал историю нашего с Кристиной похода в “Амур” Пиоттуху-Пилецкому.

– Мда-а, – крикнул Пила. – Не люблю я такую романтику. – Это его любимая поговорочка.

– Думаешь, я люблю, – откликнулся я. – Встрял, так встрял...

– Встрял ты, прямо скажем, не на шутку, – согласился он. – И ведь, главное, с первого раза, да?

– Да, – кивнул я со вздохом. – А ты говоришь, «хорошо, что мы родились в середине двадцать первого века»... Проклятое время. Стоит на минутку расслабиться, а тебя уже и расклонировали по всему миру... Что делать-то?

– На будущее – пользоваться резинкой...

– На будущее мне не надо, я с этим раз и навсегда завязал. Ты мне скажи, что мне сейчас делать. Вот ты – сто лет женат. Что бы ты сказал жене в такой ситуации?

– Даже и не знаю, что тебе посоветовать, – почесал Пила в затылке. – Не кричит, говоришь?

– Молчит.

– Это плохо. Моя бы поорала да и успокоилась бы.

Утром на пятые сутки Кристина внезапно обрела дар речи.

– У меня есть предложение, – сказала она. – Давай-ка, я рожу ребенка от тебя.

Я весь внутренне подобрался.

– Я конечно рад такому повороту, – сказал я осторожно, чувствуя в ее словах какой-то глобальный подвох. – Но с чего это ты вдруг так решила?

– Из чисто экономических соображений, – отозвалась она. – Ведь получается, я даром получу то, за что другие идиотки будут платить шестьдесят тысяч долларов.

– Так-то оно так, – продолжал я с опаской, – но лично для меня такое решение было очевидно и раньше. А вот ты, помнится, почему-то хотела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.